

СОЛЯНКА

ТЫСЯЧИ ЛИ

ПОД ЧУЖИМ НЕБОМ

Солянка .

Тысячи ли под чужим небом

<https://litres.ru/74120348>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она изгнанная демоница, спасающаяся от охотников на демонов. Он проклятый генерал, истребляющий всех демонов. Их союз невозможен.

Линь Юэ, древняя хулицзин, жила в мире с людьми, пока её не объявили добычей. Вэнь Чжэнь, легендарный «Очиститель Теней», живёт с проклятием, которое медленно превращает его в того, кого он ненавидит больше всего — в демона. Их встреча должна была закончиться смертью одной из сторон.

Вместо этого рождается отчаянная сделка: она знает путь в сердце царства демонов, где можно снять проклятие. Он дарует ей жизнь... пока. Теперь им предстоит путь через земли, где не всё зло — демоны, а не всякая помощь исходит от людей. Врагам придётся доверять друг другу, чтобы выжить.

Путешествие, где каждый шаг — между светом и тьмой. История, где враги учатся видеть душу друг в друге.

Содержание

Глава 1. Линь Юэ	4
Глава 2. Линь Юэ	32
Глава 3. Линь Юэ	61
Глава 4. Линь Юэ	80
Глава 5. Вэнь Чжэнь	102
Глава 6. Линь Юэ	124
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Солянка .

Тысячи ли под чужим небом

Глава 1. Линь Юэ

Воздух рвал мои легкие, каждый вдох обжигал гортань, словно я проглотила раскаленные угли. Я мчалась сквозь чащу, не разбирая дороги, лишь бы подальше от лязга доспехов и грубых криков, преследовавших меня. Ветви хлестали по лицу, цеплялись за мои одежды, уже и без того изодранные в клочья.

Еще немного, — безумно стучало в висках. — Еще пара шагов, и я сверну к ручью, потеряю след в воде, а там, в глубине леса, сброшу это жалкое человеческое обличье и...

Мысль оборвалась, едва я попыталась коснуться внутреннего источника силы, того самого ядра лисьей ци, что дремало в глубине души. Ответом стал не привычный всплеск энергии, а резкая, обжигающая боль в груди. Я споткнулась, о корни старой сосны и едва не грохнулась. К счастью, мне удалось сдержать равновесие.

Рука инстинктивно впиалась в нагрудную часть рубахи, под которой на коже пылал странный, неестественный знак.

Не нужно было его видеть, я чувствовала его структуру — тяжелую железную печать, намертво закупорившую мою магию.

— Печать подавления, — выдохнула я, обращаясь сама к себе.

Значит, мне не показалось. Это не простые бандиты, решившие обобрать девушку. Эти люди не просто гонятся, они подготовились и знают, с кем имеют дело. Загоняют меня, как зверя на охоте.

Острый и беспомощный гнев закипел внутри. Люди. Вечно эти люди. Что я им сделала?

Я жила на отшибе, редко появлялась в деревне. Но если кто-то хворал, то я приходила и помогала. Видно, я по неосторожности показала свой хвост, и кто-то донес стражникам. Конечно, все боятся хулицзин, даже если она когда-то вылечила ребенка или проводила старика в дальний путь без боли и пыток.

Обидно, неужели мое существование уже преступление в их глазах?

Крики позади стали отчетливее. Они не бежали наугад, они шумели, гнали, создавая полукруг, направляя меня.

Я, задыхаясь, ринулась вправо, к зарослям дикого бамбука, но оттуда уже доносился лязг металла и тяжелое дыхание.

Я рванула налево, под гору, и услышала свист стрелы, впившейся в ствол дерева в паре цуней от моего уха. Сердце бешено колотилось, грозя разорвать грудную клетку.

Нападавших больше трех, и действуют слаженно.

Лес начал редеть. Сквозь стволы мелькнул открытый участок, залитый косыми лучами заходящего солнца. В центре полянки находился огромный, могучий дуб, чей ствол и несколько человек не смогли бы обхватить. Его ветви образовывали темный, почти непроглядный шатер. И именно к нему, с криками и свистом, меня неумолимо гнали.

Я окончательно угодила в ловушку. Будь я лисой, я бы спряталась в ветвях, потом проползла бы по траве и убежала, но печать, что наложили на меня, не давала повернуть подобное.

Меня ждет смерть?

Спиной я прижалась к сухой коре и сползла на землю. Подняла глаза наверх, надеясь, что у охотников хоть что-то в душе зашевелится, что они поддадутся чарам, и я смогу уболтать их меня отпустить, но...

Худшей участи я бы и придумать не могла. На меня вышло четыре человека, и я догадалась, кто они такие. Это были профессионалы, они много лет промышляли убийствами мне подобных. А загнать хулицзин очень почетно.

— Не двигайся, демоница, — прокричала грубая женщина с хриплым голосом. Она натянула тетиву лука и целилась в меня.

— Чжэ, она и так застыла, как олененок без матери. Не добавляй ей унижений, — произнес мужчина, который, в отличие от остальных пренебрег доспехами. — Не бойся, де-

вица. Твой конец будет быстрым, без мучений.

Это он так посчитал, что меня успокоит?

— Не стоит с ней разговаривать, лисы умеют убеждать. Разберемся с этой и пойдем дальше, — резко высказался их глава.

Мне стоило один взгляд бросить на этого мужчину и понять, какая ненависть в нем таится. Ненависть к демонам. Правда, по этой же причине я точно знала, кто он такой.

Храбрый герой, "Очиститель теней", прославленный генерал, младший сын из благородного семейства Вэнь.

Его слава, окутанная ореолом благородного мстителя, летела впереди него. Говорили, он потерял кого-то из-за демонов в детстве и поклялся очистить мир от нечисти. Люди восхищались им. Пели песни.

Я же видела в нем только бездушного, жестокого палача, убийцу. Он ничем не лучше разбойников. Никакой он не защитник. Он возвел истребление моих сородичей в ранг высокого искусства и святого долга. В чем здесь благородство? Даже у самого ужасного преступника есть шанс на суд. Почему—то демонам шанс на справедливый суд никто не давал.

Он медлил, прежде чем близко подойти ко мне, зачем-то выжидал. Зато мне удалось его получше рассмотреть.

Вэнь Чжэнь молод, ему не так давно двадцать лет минуло. Но в поведении и взгляде нет места юношеской горячки. Он на голову выше своих людей, стройный и подтянутый. Лицо... оно могло бы считаться красивым, если бы так сильно

не выказывало презрение мне. Высокие скулы, прямой нос, тонкие, плотно сжатые губы. Волосы густые, чернее воронова крыла, были убраны в строгий высокий пучок, скрепленный простой, но явно ценной нефритовой шпилькой.

Наконец, он сделал шаг вперед, и я задохнулась от ужаса. Его лезвие коснулось моей шеи, будто он примерялся. Но испугали меня больше глаза мужчины. Они словно налились тьмой, она пульсировала в нем, делая оттенок кожи бледным, как у покойника. Да он же проклят!

— Остановить, — завопила я тонким голосом. — Я знаю, как снять твоё проклятие!

Лезвие, все еще находившееся рядом со мной, дрогнуло. Увы, руку Вэнь Чжэне не опустил, но хотя бы удар не нанес.

Он застыл, будто только что я сказала что-то очень важное. Хотя почему что-то. Информация важна.

— Ты заинтересован? Готов выслушать меня? — наклонила я голову в бок.

Охотник прищурился. Я заметила, что он дрожит и не решается. Уж слишком большое желание меня прикончить.

Словно назло, заговорила противная воительница.

— Господин, мой генерал, — раболепно пропела она. — Не слушайте ее. Это хулицзин. Ее первое оружие — язык, обманывающий разум, и взгляд, опутывающий душу. Она видит вашу силу и пытается купить себе жизнь дешевыми уловками.

— Лань Чжэ права, — поддержал ее мужчина в светлых

одеждах, наложивший на меня печать. — Демоны лживы по природе своей. Она могла подслушать какие-то слухи, насобирать обрывки знаний. Она играет на твоей боли, Чжэнь.

Понятно, с ними каши не сваришь. Они дуболомы, ничем не лучше своего господина.

— Вы так уверены, так праведны в своем фанатизме, — я расвирепела, но умудрилась нагло улыбнуться. — Совсем не допускаете мысли, что я могу говорить правду?

— Давайте выслушаем ее, — озадаченно произнес другой человек, который сделал попытку успокоить меня перед смертью. Видимо, самый жалостливый.

— Выслушайте, выслушайте, — задвигалась я, но вновь ощутила холодное лезвие у горла. — Вы, всезнающие охотники, так хорошо разбираетесь в природе демонов. А в природе проклятий? Особенно тех, что наложены не каким-нибудь деревенским колдуном, а силой, старше этих гор? — Я почувствовала, как пальцы Вэнь Чжэня сжали сильнее рукоять меча, воззрилась на него. Обсуждать с другими свое спасение бесполезно. — Тебе ведь снятся дурные сны, генерал Вэнь. Страшные кошмары, что так тебя доводят, что ты стараешься и спать меньше. А еще ты часто злишься, да так беснуешься, что не даешь отчета своему гневу. Думаю, поэтому ты покинул армию и отправился убивать моих сородичей, — предположила я, но быстро пожалела о своем нахальстве.

— Замолчи, а то застрелю тебя сию же минуту, — накричала на меня девица.

Учитывая, что выглядела она воинственное, я сникла и заткнулась.

— Нет, пусть продолжает, — поднял ладонь вверх их предводитель.

— Но господин...

— Пусть... говорит... — твердо произнес Вэнь Чжэнь.

Я проводила недовольную женщину гримасой. И мне захотелось выложить генералу все сведения целиком. Он явно понимает, о чем я тут вещаю.

— Яростью своею ты не управляешь, — продолжала я, наращивая давление, — а на следующий день наступает расплата. Ломота в костях, будто их выкрутили. Вены на руках и висках вздуваются, синие, как трупные пятна, и не сходят днями. Синяки под глазами, которые не скрыть. Тело ноет, будто его молотами отбили. И с каждым разом это состояние длится дольше. А просветы, когда ты чувствуешь себя просто человеком, становятся все короче. Я права? — закончила буднично.

Вокруг стояла гробовая тишина. Они все между собой переглянулись. Думаю, они все поняли, может и получше осознали, какой ежедневный ад проходит их господин.

Первым отмер Вэнь Чжэнь. Он убрал меч в ножны и склонился надо мной.

— Ты знаешь, что это такое?

— Зачем спрашиваешь? — уставилась я на него. — Тебе, очевидно, известно название — "Цепь глубокой ночи".

Проклятие, что медленно заражает твою ци тьмой. Ты станешь демоном, господин, — усмехнулась я. — И быстро, тебе остался год, может, и меньше. А твои друзья, — обвела их взглядом, — убьют тебя, как ты сейчас хочешь убить меня.

— Да я быстрее убью эту мерзавку, — вспыхнула воительница.

Ах, мой ядовитый язык. Он и в царстве демонов не давал мне покоя. Я зажмурилась, а потом услышала, как Вэнь Чжэнь оттолкнул от меня свою подчиненную.

— Ты сказала, что знаешь, как его снять, — напомнил он. — Чего ты за это хочешь?

— Жить, — сказала я, и голос мой прозвучал сипло, лишенный всякой прежней бравады. — Ты хочешь остаться человеком. Я хочу жить. Это и есть цена.

Вэнь Чжэнь смотрел на меня еще несколько томительных секунд. В его глазах бушевала внутренняя буря: недоверие боролось с отчаянной надеждой, холодный расчет с инстинктивным желанием разделаться с угрозой здесь и сейчас. Но в итоге победил рассудок. Он кивнул мне, а потом обратился к соратнику.

— Разберись, Суань Кун.

Человек с аскетичным лицом, тот самый, что наложил на меня первую печать, шагнул вперед безмолвной тенью. Он вынул из складок одежды листки из рисовой бумаги, перебрал несколько, а потом вытащил один.

— Не двигайся, — проговорил он. — Это печать-ограни-

читель "Безмолвного корня". Она не причинит боли, если ты не будешь сопротивляться.

Я вздрогнула от прикосновения и от ледяного вечернего воздуха. Как он и обещал, боль не пришла. И на том спасибо. Единственное, что меня угнетало, так это потеря взаимодействия с внутренним ядром.

Я могла дышать, видеть, слышать, но доступ к магии, к самой своей сути, был наглухо перекрыт. Даже мысль о превращении теперь вызывала лишь пустую, безответную тошноту.

— Готово, — произнес Суань Кун, отступая. — Она не сможет призывать иллюзии, менять облик или пользоваться силой своей расы. Физически она не сильнее обычной девушки.

Тут же, будто только и ждала этого, подошла вредная девица. В ее руках блеснули не простые веревки, а тонкие, гибкие ремни, сплетенные из конского волоса и прошитые тускнеющей серебряной нитью. Серебро для нашего брата, как яд. Не смертельный, но крайне неприятный, ослабляющий, жгущий кожу долгим, назойливым зудом.

— Доверь это мне, господин, — она так искала благосклонность Вэнь Чжэня, что мне стало противно. — С такими существами церемониться не стоит.

Вэнь Чжэнь, уже отвернувшийся и изучавший карту, которую достал Цзян Тан, лишь махнул рукой, не глядя. Это было все разрешение, которое ей было нужно.

Лань Чжэ принялась за работу с усердием палача, любящего свою работу. Она грубо схватила мои запястья, скрутила их за спиной и начала обматывать ремнями. Она затягивала узлы не просто крепко, а с такой силой, что кожа тут же онемела, а в пальцах заныла тупая боль. Каждое ее прикосновение было резким, каждое движение с лихвой. Она не просто связывала пленницу. Она связывала ненавистного демона, и в каждом рывке ремня, в каждом щелчке пряжки вымещалась вся ее ярость, весь страх, который она, должно быть, испытывала за своего генерала.

— Никаких фокусов, демоница, — прошипела она мне на ухо, когда перекидывала ремень через плечо и затягивала его на груди, почти перехватывая дыхание. — Никаких разговоров, если тебя не спрашивают. А если ты задумала что — то плохое... то я сделаю так, что ты будешь умолять меня о смерти. Поняла?

Я не ответила, только стиснула зубы, чувствуя, как серебряные нити впиваются в кожу, оставляя тонкие, жгущие полосы. Удовлетворенно хмыкнув, она закончила, дернула за концы ремней, проверяя прочность, и больно толкнула меня в спину.

— Встала. Пойдем.

Если я выберусь, если сумею сбежать, то этой Лань Чжэ я отомщу за свое унижение.

Меня повели. Вэнь Чжэнь шел впереди, не оглядываясь, полностью погруженный в карту и тихий разговор с Цзян Та-

нем. Суань Кун шел следом за мной, а Лань Чжэ шла рядом, не выпуская меня из поля зрения, ее рука лежала на рукояти короткого меча.

Шли мы недолго. Вскоре лес расступился, открыв небольшую, скрытую от посторонних глаз полянку у подножия скалы. Здесь, привязанные к корявой сосне, ждали четыре крепких коня. Лошади были не парадные, но сильные, выносливые, со следами долгих походов на копытах и сбруе. На земле лежали свернутые в рулоны войлочные плащи и несколько сумок.

Меня без лишних церемоний подвели к самой скале и посадили на землю, спиной к холодному камню. Лань Чжэ привязала концы моих пут к торчащему корню, убедилась, что сбежать невозможно, и, наконец, отступила, присоединившись к остальным у небольшого, уже разгорающегося костра.

И вот я сидела. Связанная, запечатанная, беспомощная. Адреналин погони и отчаяния схлынул, оставив после себя пустоту, холод в конечностях и... жгучее любопытство. Теперь я могла наблюдать.. и слушать.

Цзян Тан как раз вернулся, беззвучно, как кот, выскользнув из темноты.

— Чисто, — сообщил он Вэнь Чжэню. — Ни следов, ни глаз, ни новых демонов. Похоже, в этой деревне была только она, — указал он на меня кивком головы. — Можем стоять здесь на ночь.

— Хорошо, — коротко бросил генерал, складывая карту. — Разбиваем лагерь. Суань Кун, проверь периметр. Лань Чжэ, займись ужином.

Люди засуетились. Суань Кун молча взял несколько деревянных табличек с вырезанными знаками и растворился в темноте, расставляя охранительные печати по краям полянки. Лань Чжэ, недовольно хмыкнув, но без возражений, начала выкладывать из сумок плоские лепешки, вяленое мясо и небольшой котелок.

Делать мне было нечего, так что я наматывала все на ус. Судя по диалогам, Лань Чжэ была правой рукой и тенью Вэнь Чжэня. Раньше служила под его началом. А еще, кажется, была безответно в него влюблена. Вэнь Чжэнь, по-моему, об этом не ведал, но мужчины часто слепы в сердечных делах.

Цзян Тан, который единственный излучал капельку дружелюбия, работал у них кем-то в роде шпиона. Узнавал для них слухи. Слишком красивый, слишком обаятельный. Он разводил огонь и делал это с такой непринужденной грацией, будто не занимался черной работой, а музицировал на цине. Его улыбка была ослепительной, глаза смеющимися, но в их глубине, когда он думал, что на него не смотрят, я уловила холодную, оценивающую остроту. Он был не просто щеголем. Он и опасен.

Еще был этот культиватор Суань Кун. Как говорит людская молва, в тихом омуте злой дух водится. Суань Куна я опасалась поболее, чем Лань Чжэ. Та показывает свою нена-

висть, а этот воин светлого пути носит ее внутри.

— И что, мы теперь по всей империи будем таскаться с демоницей? — нарушила тишину Лань Чжэ, яростно помещивая котелок. — Будем ей верить?

— Она может помочь снять мое проклятие, — спокойно ответил Вэнь Чжэнь, точа свой меч бруском. — В этом состоит цель. Но если ты против, я никого насильно не держу.

— Вы же знаете, что я не уйду. Просто можно ли доверять подобному существу? Они живут и дышат одними уловками.

— Госпожа Лань, — вступил насмешливо Цзян Тан, подбрасывая в костер щепку. — Дайте генералу самому решать. Он не ребенок. И потом... — он обернулся и бросил на меня тот самый ослепительный, ничего не значащий взгляд. — Разве не занятно? Настоящая хулицзин в нашей компании.

— Занятно? — Лань Чжэ фыркнула. — Она воняет псиной, Цзян Тан. Как все они. Им бы в их мире, за Великой Стеной, и сидеть, а не сюда ползать, смущать людей да сеять раздор.

Меня это задело. Во-первых, потому что они обсуждали меня, словно меня не было, а во-вторых, я уже заимела зуб на глупую женщину.

И как истинная глупая женщина, упивающаяся своим положением, она решила ко мне подойти и проверить веревки.

— А чем, интересно, мы там питаться будем? — выдавила язвительно я. — Скалами? Лунным светом? Или, может, праведным гневом некоторых воительниц? — я броси-

ла взгляд на Лань Чжэ. — Мир демонов не отделен красивой ширмой. Границы размыты. И да, нам тоже нужно есть. Трава, злаки, мясо... иногда, простите за откровенность, энергия, которую вы, люди, так щедро излучаете в виде страха, гнева или... о, например, слепой ненависти. Очень питательно.

Я громко клацнула челюстью, а Лань Чжэ в испуге отпрыгнула от меня.

Осознав свою ошибку и мою театральную игру, она вспыхнула, как факел.

— Я вырву тебе этот ядовитый язык!

Но уже было поздно, ее страх немного развеселил Цзян Тана. Да и между мной и воительницей встрял Вэнь Чжэнь.

— Лань Чжэ, хватит, — сказал он тихо. — Смирись, хулицзин пока с нами. Не давай эмоциям управлять тобой. Это ее оружие.

Лань Чжэ замерла, вся дрожа от невысказанной ярости. Она посмотрела на него, и в ее глазах мелькнула непереносимая обида. Она резко развернулась и ушла в темноту, за пределы круга света от костра.

Потом Вэнь Чжэнь медленно повернулся ко мне.

— Следующий выпад в ее сторону, — произнес он невозмутимо, — и печать "Безмолвного Корня" станет печатью "Немой Глухоты". Понятно?

Я надулась и поклонилась. Верю, что он исполнит обещание.

Вэнь Чжэнь чуть ослабил мои веревки, а после уселся напротив.

— Итак, — начал он, и его голос, лишенный теперь всякой угрозы, прозвучал почти деловито. — Ты говоришь, что знаешь, как снять проклятие. Первый вопрос: ты знаешь, кто именно его наложил?

Я почувствовала, как все взгляды устремились на меня. Суань Кун перестал созерцать огонь. Цзян Тан притормозил процесс чистки своего изящного кинжала.

Я потянула время, делая вид, что пытаюсь поудобнее устроиться на жесткой земле, хотя веревки все равно продолжали впиваться в бока.

— Знаю ли я точно, кто именно наложил "Цепь глубокой ночи" на тебя, господин Вэнь Чжэнь? — переспросила я, стараясь, чтобы голос звучал задумчиво, а не испуганно. — Нет, не знаю. Точнее, я не знаю этого точно.

— Это что за игра слов? — рявкнул Суань Кун, и в его тихом голосе впервые прозвучало раздражение.

— Никакая, — парировала я. — Я не знаю имени или облика. Но я точно знаю, кто это знает точно.

— Подожди, подожди, красавица, — поднял руку Цзян Тан. — Что за чепуха? Ты не знаешь точно, но точно знаешь, кто точно знает? Я уже запутался, кто тут что знает, а что не знает.

— Это не головоломка, Цзян Тан, — сухо заметил Вэнь Чжэнь, но в уголке его глаза дрогнула едва уловимая склад-

ка. Не улыбка, но что-то близкое к усталому пониманию абсурда ситуации. — Продолжай, демоница.

— Я не демоница, — вспылила я. — Меня зовут Линь Юэ.

— Линь Юэ? — удивился Суань Кун.

— Есть вопросы? Имя не подходит? — повернулась к нему.

— Оставь ее, — прервал Вэнь Чжэнь. — Линь Юэ, продолжай.

Мое имя в его устах прозвучало странно. Вроде сама попросила, но коробит.

— Смотри, господин, — вздохнула я, будто делая одолжение. — Подобные проклятия высшего порядка — это не просто порча. Это печать, личная метка. У нее есть автор. Только автор или существо, схожее по силе, может его снять. В твоем случае это кто-то из Мо.

— Мо? Верховных демонов?

— Верно, — кивнула я. — К счастью, их не так много, не более десяти, а трое подобным и не промышляют, им неинтересны распри людей. Мы можем отыскать тех, кто мог наложить на тебя проклятие, проникнув в царство демонов. В самом крайнем случае, когда все пути исчерпаны, можно обратиться напрямую к владыке. К тому, кто правит той сферой, из которой черпалась сила для проклятия.

— К Владыке Демонов, — безжизненно произнес Суань Кун.

Стало очень тихо, словно сама природа испугалась. Впро-

чем, заробела и я.

— К Владыке западного неба, — я старалась говорить ровно, хотя внутри все сжалось в ледяной комок. Сама мысль о нем заставляла дрожать. — Цзюнь Луо. Он обладает знанием. Но я бы не советовала идти к нему.

— Почему? — спросил Вэнь Чжэнь. — Разве не легче обратиться к тому, кто точно знает? — поддел меня мужчина.

— Потому что от него не уходят с простым "спасибо" и поклоном, — прошипела я. — Он не станет помогать просто так. Цена будет несоизмерима. Он может потребовать то, что ты не готов отдать. Или увидеть в тебе интересный объект для коллекции. Обратиться к нему — это как ткнуть палкой в гнездо шершней, надеясь, что один из них тебе поможет, а остальные просто полюбуются. Но... — я сделала паузу, глядя на его непроницаемое лицо. — так или иначе, тебе придется спуститься в Диюй.

— Достаточно убедительно, — внезапно вмешался Суань Кун. — Но это не меняет сути, Чжэнь. Она — демон. Она предлагает тебе идти в самое сердце тьмы. Это чистое безумие. Логичнее и безопаснее выполнить свою миссию здесь и сейчас. Лань Чжэ права. — Он посмотрел прямо на Вэнь Чжэня. — Убью ее, господин. Один четкий удар. И мы покончим с этой нечистью и ее опасными сказками.

Мое сердце екнуло, но я не позволила страху прорваться наружу. Вместо этого я засмеялась. Звук получился сухим и колючим.

— Убивай, праведник. Сложи мое тело здесь, у костра. А потом ищи дорогу в Диюй сам. Попробуй расспросить лесных духов. Может, один из них сжалится над тобой и укажет путь. Или попроси у местных божков, вдруг они любят охотников на демонов? Только учти, — я наклонилась вперед, насколько позволяли веревки, — чтобы пройти Врата, тебе нужен проводник из нашего мира. Демон или дух, который согласится быть твоим... заложником. Поручителем перед стражами порога. Как думаешь, много ли найдется желающих среди моего народа помочь парню, который только что зарезал одну из нас и теперь жаждет побеседовать с нашим Владыкой? Ах, и забыла, дух должен быть по званию не меньше чем Яо или Мо. Много ли хулицзин вы поймали?

Я видела, как мои слова бьют в цель. Суань Кун сжал кулаки, но не нашелся, что ответить. Логика, даже исходящая от "нечисти", была неумолима.

— Она права, — неожиданно сказал Цзян Тан. — Это как прийти в чужую деревню с окровавленным топором и просить совета у старейшин. Не самая дипломатичная тактика.

Вэнь Чжэнь молчал, оценивая. Его взгляд метался между моим лицом, полным вызова, и суровым лицом Суань Куна. Он взвешивал риски. Риск довериться демону против риска потерять свою верную команду.

Я бы команду не выбрала. Если они не поддерживают предводителя, то какая они команда?

— Допустим, мы принимаем твои условия, — отрешенно

высказался генерал. — Что первое? Куда идти?

— Мне нужна карта.

— Карта? — изумились мужчины.

— А вы думали, мы в Диюй силой мысли попадаем?

Что-то мне подсказывало, а их реакции подтверждали мою догадку, что так они и думали.

Передо мной достаточно быстро оказалась карта империи, и я уверенно ткнула пальцем в верную точку. Я не собиралась им врать или водить за нос. Хотят попасть в Диюй, отговаривать не буду.

— Значит, — выдохнул Вэнь Чжэнь, прокладывая пусть рукой, — завтра отправимся в Цюяньси.

Дальнейшие их рассуждения меня не интересовали. Они обсудили план, а потом забеспокоились, куда же пропала Лань Чжэ.

— Мы поищем ее и отведем коней на водопой, —скомандовал Вэнь Чжэнь. — Присмотри за Линь Юэ.

Он ушел, а я и Цзян Тан остались наедине.

Мужчина неожиданно оказался очень близко. Пламя костра отбрасывало танцующие тени на его правильное, красивое лицо. Он устроился поудобнее, подложив под себя седло, и смотрел на меня с нескрываемым, откровенным любопытством. Не как на монстра, не как на добычу, как на... интересную женщину.

В этом взгляде не было ни капли того предубеждения, которым дышала каждая пора Лань Чжэ и каждый жест Су-

ань Куна. Была лишь теплота, легкий азарт и... да, влечение. Обычное, человеческое, физическое влечение к тому, кто выглядит молодой и привлекательной женщиной. Моя хулицзинская природа, скованная печатями, не имела к этому никакого отношения. Работала лишь обычная женская магия, которую я, прожив среди людей, усвоила достаточно хорошо.

— Ну что, красавица, — начал он, его голос звучал томно и чуть насмешливо. — Остались наедине. Не скучно? Может, расскажешь мне что-нибудь эдакое? Про ваши лисьи обычаи? Или... про то, что любишь сама?

Я сделала вид, что смущаюсь, опустила взгляд, позволив ресницам дрогнуть. Внутри же холодный расчет сверлил мозг.

— Какие могут быть обычаи у связанной пленницы, господин Цзян Тан? — промолвила я нарочито тихо и печально. — Разве что терпеть боль от веревок и надеяться на милость своих пленителей. Вот, к примеру, эти узлы... — я чуть пошевелила запястьями, скривившись от притворной боли. — Ваша госпожа Лань Чжэ, видимо, училась завязывать морские узлы на снастях боевых джонок. Чувствую себя мачтой перед штормом. Кровь не поступает в пальцы.

Он нахмурился, его игривое выражение сменилось на мимолетную искреннюю озабоченность.

— Да уж, Лань Чжэ никогда не знала меры в рвении, — вздохнул он, почесывая затылок. — Думаешь, если немного

ослабить, твои лисьи когти вдруг прорастут?

— Печать Суань Куна сильнее любой веревки, — возразила я, смотря ему прямо в глаза, вкладывая во взгляд всю возможную усталую покорность. — Вы же сами слышали. Я слабее обычной девушки. Куда я денусь от вас, опытных воинов, да еще в ночном лесу? Вы меня уже поймали. Просто... мне больно и холодно. Серебро в этих ремнях жжет кожу, будто крапива.

Я видела, как он колеблется. Разум говорил ему, что это плохая идея. Но в нем боролись другие инстинкты — галантного мужчины перед страдающей женщиной и человека, который подсознательно хочет ей понравиться, заслужить ее доверие или хотя бы благодарность. Он был тщеславен. И я играла на этой тщеславности.

— Ладно уж, — наконец буркнул он, оглядываясь в сторону, куда ушли остальные. — Но если попробуешь что-то... я буду очень огорчен, жесток и быстр.

В этом я не сомневалась. Нельзя недооценивать противника.

Он встал, подошел ко мне сзади. Я почувствовала его близость, запах кожи, конского пота и какой-то легкой пряной притирки. Его пальцы, удивительно ловкие и нежные для мужчины-воина, нашли узлы на моих запястьях. Он не стал их развязывать полностью, но ослабил несколько оборотов, и тут же прилив крови к онемевшим рукам вызвал мучительное, но желанное покалывание. Я тихо ахнула, на этот раз

неподдельно.

— Спасибо, — прошептала я, и в голосе вложила всю теплоту, на какую была способна. — Ты... добрый. Не такой, как другие.

— О, не обманывайся насчет меня, красавица, — рассмеялся он, возвращаясь на свое место, но его глаза светились от комплимента. — Я куда хуже праведного Суань Куна и молчаливого Вэнь Чжэня. Я могу вскружить голову, а потом по мне страдают. Если так посмотреть, я чрезмерно для тебя опасен.

Ага, а еще чрезмерно эгоистичен и себялюбив.

Он продолжил болтать, рассказывая какие-то забавные истории из походов, явно стараясь развлечь и себя, и меня. Я кивала, улыбалась, вставляла легкие, безобидные реплики, всем видом показывая, что расслабилась. А внутри все было холодно и сосредоточено. Я оценивала расстояние до деревьев, прикидывала, куда бежать. Руки, хоть и все еще связанные за спиной, обрели некоторую подвижность. Этого могло хватить.

И тогда мой взгляд упал на край его пояса. Прямо за изящной рукоятью кинжала висел небольшой, тяжелый на вид предмет в кожаном чехле — похоже, точильный брусок в оправе или небольшой молоточек для кольев. Он лежал в пределах досягаемости, если резко рвануть.

Я крутила, вертела ладонями, так изгибала запястья, что из глаз искры могли посыпаться, но я выбралась.

— ...и вот этот крестьянин говорит нашему грозному Суань Куню: "Ваша печать на моем заборе не держится, святой человек, у меня куры не несутся!" — Цзян Тан заливался смехом, откинув голову.

Это был момент. Я сделала вид, что тоже смеюсь, подалась вперед, будто не удержавшись от веселья, и потеряла равновесие. С легким вскриком я повалилась на бок, прямо в его сторону.

— Эй, осторожно, — он инстинктивно протянул руки, чтобы поддержать меня.

Но я уже была в движении. Проворно стянув его брусок, я изо всех сил ударила мужчину.

Удар пришелся не в висок, а выше, по теменной кости. Все же убивать я не планировала. Раздался глухой, неприятный стук. Цзян Тан ахнул, не от боли, а от шока. Его глаза на миг остекленели. Он потерял ориентацию, а через секунду сознание.

Фух, мне немножко жаль. Цзян Тан — самый приятный человек из этой компании.

Откатившись от него, я с трудом встала на ноги и бросилась бежать. Не в чашу, где меня сразу найдут, а вдоль ручья, чей журчащий звук доносился слева. Вода скроет следы, собьет с толку собак, если они их используют.

Я бежала, пока в боку не закололо, а легкие не стали рваться на части. Ручей впереди разливался в небольшую, но быструю речку, огибающую скальный выступ. Я уже бы-

ло собралась свернуть, углубиться в лес по другому берегу, как вдруг мои уши, все еще острые, даже будучи запечатанными, уловили странные звуки. Не птицы, не звери. Металлический лязг. Приглушенные крики. И странный, леденящий душу всплеск, похожий на хлопок огромного мокрого полотна.

Любопытство — мой старый порок и проклятие. Оно заставило меня замедлиться, прислушаться. Потом скрепя сердце, я поползла на брюхе к краю невысокого обрыва, под которым шумела река.

Картина, открывшаяся внизу, заставила меня застыть. Река здесь образовывала небольшой омут. На отмели метались две лошади, бешено ржавшие и брыкавшиеся, будто их что-то схватило за ноги. И это "что-то" было... водой. Из глубины омута тянулись толстые, прозрачные, как жидкое стекло, щупальца, обвивая ноги животных и втаскивая их на середину. А рядом, по грудь в воде, билась Лань Чжэ. Она не кричала, не могла, потому что захлебывалась. Ее лицо было искажено ужасом и нехваткой воздуха. Какая-то невидимая сила тянула ее ко дну.

На берегу по колено в воде стоял Вэнь Чжэнь. Он размахивал своим серебряным мечом, нанося удары по щупальцам, но от этого становилось только хуже. Меч проходил сквозь водяную плоть, лишь на миг рассекая ее, но та тут же смыкалась, становясь еще плотнее и яростнее. Каждый удар, казалось, лишь злил духа. А Суань Кун, стоя на берегу, в отча-

янии листал свои свитки, пробуя одну печать за другой, но вода будто бы питалась его магией, казалось, что она пожирала магические знаки быстрее, чем он их создавал.

Внутри меня все оборвалось. Сцена была настолько ясной и настолько глупой.

Идиоты! Они сражались с водой мечом! Они пытались прижечь печатями реку! Это же был не демон-агрессор. Это была обида, застрявшая в мире живых. Шуйгуй. Призрак утопленника. И его не победить силой. Даже не прогнать. Его нужно было понять, успокоить.

Мысль о том, чтобы просто развернуться и исчезнуть в лесу, была сладкой и логичной. Это были мои враги, мои похитители. Пусть разбираются со своими проблемами сами.

Но... я, видно, и сама идиотка, не могла. Не из-за сострадания к людям, а из-за этого духа. Рано или поздно до них дойдет, что это не демон, а призрак. Они вместо серебра используют железо, выберут подходящие амулеты и печати.

Видеть такое неправильное, грубое обращение с тоскующей душой, с застрявшей между мирами болью... это резало меня по живому, как скрежет лезвия по кости. Это было против моей природы, против всех негласных законов, в которых я, как хулицзин, разбиралась.

С пустым проклятием вырвалось ругательство. Я сползла с обрыва, цепляясь за камни и корни, и побежала к берегу.

— Прекратите, — закричала я, срываясь на хрип. — Перестаньте размахивать своим дурацким мечом.

Вэнь Чжэнь на мгновение замер, увидев меня. Мгновенно разозлился. Суань Кун тоже поднял взгляд, и в его обычно бесстрастных глазах читалось отчаяние.

— Она сбежала? — успел выкрикнуть вопросительно Вэнь Чжэнь.

Какие пленители, такие и пленники.

Я, не раздумывая, вошла в воду. Ледяная струя обожгла ноги, налипла тяжелой тряпкой на одежду. Печати Суань Кун давили на грудь, пытаюсь подавить даже мой природный дух, но я проигнорировала это. Я прошла мимо Вэнь Чжэня, толкнув его плечом в сторону.

— Не мешай, господин. Ты только злишь его понапрасну.

Я направилась к Лань Чжэ. Вода уже сомкнулась над ее головой, виднелись лишь взметающиеся руки. Щупальца из воды потянулись и ко мне, обвивая лодыжки холодной, липкой хваткой. Я замерла, закрыла глаза на секунду. Не силой, а намерением, обращалась к тому, что осталось от души в этой воде.

— Я не твой враг, — шептала Шуйгую. — Я вижу твою боль. Покажи мне, чего ты хочешь?

Мелькнул образ: молодая женщина в доспехах, упавшая с коня в бурный поток. Ее меч, красивый клинок с гравировкой в виде плывущих облаков, выскользнул из ножен и утонул в темной воде, а ее саму унесло течением. Тоска не по жизни, а по оружию. По частице себя, оставшейся на дне. Ей нужен был не человек. Ей нужен был меч.

Я открыла глаза. Лань Чжэ была уже почти без сознания. Я рванулась к ней, с трудом преодолевая хватку воды, и обхватила ее за грудь, вытаскивая на поверхность. Она тяжело, судорожно вдохнула, ее тело обмякло.

— Ох, Лань Чжэ, буду надеяться, ты за это меня не прирежешь, — шептала я. — Раздевайся.

Впрочем, воительница была в таком состоянии, что не смогла бы сопротивляться. Я попросту стащила с нее ремень, на котором держались ножны.

Ремень отплыл на небольшое расстояние, под весом оружия погрузился на дно, и...

Бурлящие волны моментально успокоились. Щупальца, сжимавшие меня, Лань Чжэ и лошадей, ослабли. Затем вода в центре омута опять забурлила и начала подниматься, образуя фигуру. Это была та самая женщина-воин, молодая и печальная, в развевающихся одеждах из водорослей и пены. Ее пустые и темные глаза смотрели на меня. Она протянула прозрачную руку и коснулась рукояти полученного меча. В тот же миг меч растворился, превратившись в легкое сияние, которое впиталось в ее форму.

Она склонила голову в почтительном поклоне, обращаясь ко мне. Потом ее образ задрожал, стал терять очертания. Вместо него из воды поднялись мириады серебристо-голубых искр, похожих на светлячков. Они потанцевали в воздухе над рекой, осветив на миг все вокруг призрачным сиянием, и медленно, одна за другой, погасли, растворившись в

ночном воздухе.

Лошади, почувствовав свободу, выскочили на берег, фыркающая и дрожа. Наступила тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием Вэнь Чжэня и моим собственным.

Я, еле держась на ногах от напряжения и холода, вытащила Лань Чжэ, но не отпускала со своих рук. Не такая я и слабая, с наложенными печатями.

Внезапно по берегу кто-то побежал и заголосил:

— Она сбежала! Проклятая лис... — крик Цзян Тана оборвался, когда он увидел меня с их воительницей на руках. Он обвел всех недоумевающим взглядом. — Демоница сбежала. А что... что здесь произошло?

— Сбежала? — раскатисто зарычал Вэнь Чжэнь.

— Упс, — выронила я их соратницу

— Эй, — очнулась Лань Чжэ. Увидев меня над собой, она кашлянула и заворчала. — Надеюсь, мне это снится.

Она-то потом отрубилась, не совладав с впечатлениями, а мне следовало придумать достойный ответ.

— Это недоразумение, господин, — нервно сглотнула я. — Я не сбежала. Господин Цзян Тан не понял меня. Я, обладая слухом лисиц, поняла, что вам нужна помощь, вот и помогла.

Глава 2. Линь Юэ

Мой блестящий, как мне казалось, аргумент о "недоразумении" повис в воздухе, встреченный ледяным молчанием. Надо быть полным дураком, чтобы в него поверить. Увы, Вэнь Чжэнь — не полный дурак. Так, местами...

— Это был не демон, — добавила я уже без всякой надежды, просто чтобы разрядить тишину. — Это Шуйгуй, призрак. Конкретнее, призрак воительницы, которая мечтала уйти в загробный мир со своим мечом в руках. Так принято среди вашего брата, разве нет? — развела я руками и чуть пнула валяющуюся Лань Чжэ. — Умереть с оружием. Ей было все равно, чей это меч. Главное — чтобы он был оружием воина. А ваша госпожа Лань Чжэ так яростно за него цеплялась, будто это ее дитя, а не кусок закаленного железа.

Лань Чжэ, придя в себя и услышав это, попыталась приподняться на локте, ее лицо исказила новая волна ярости.

— Ты... ты посмела... мой клинок...

— Твой клинок теперь успокоил душу, которая тосковала тридцать зим, — холодно отрезала я, внезапно устав от всей этой кутерьмы. — Можешь считать это подношением или платой за твою жизнь. Выбирай.

Именно в этот момент Вэнь Чжэнь взорвался.

Он не впал в ярость, и слава богам за это, не закричал. Напротив, его голос стал таким низким, густым, как расплав-

ленный свинец, и каждое слово падало с такой силой, что, казалось, оставляет вмятины в земле.

— Замолчите. Обе. — Он повернулся сначала к Лань Чжэ, и его взгляд, полный разочарования и холодной ярости, заставил ее съежиться. — Ты, Лань Чжэ, твой долг — наблюдать, оценивать угрозу, а не бросаться в бой с каждым всплеском воды. Ты видела, что обычное оружие не работает. Видела, что печати Суань Куна не действуют. И что? Твой анализ? Твое решение? Упереться и тонуть, не выпуская меча? Гордыня — роскошь, которую мы не можем себе позволить. Иногда перед силой, будь то высший дух или демон, нужно отступить. Покориться обстоятельствам, чтобы выжить и найти слабость. Ты забыла основы.

Так ее.

Потом его взгляд, словно клинок, перевелся на Цзян Тана, который стоял, потирая шишку на голове и виновато ухмыляясь.

— Цзян Тан, я и спрашивать не хочу, как демоница оказалась на свободе. Догадываюсь. Твоя бдительность уснула под сладкими речами. Она сыграла на твоём тщеславии, как на дешевой флейте. Игра стоила нам почти двух коней и жизни нашего товарища. Если ты не можешь отличить игру от реальности, то твоё место не в разведке, а в борделе приграничного городка, где такие таланты ценятся.

Цзян Тан перестал улыбаться. Его лицо стало каменным, лишь в глазах мелькнула вспышка ярости и глубочайшего

унижения. Он ничего не сказал, но очень проникновенно посмотрел на меня.

Если он полагал, что мне станет стыдно, то он ошибся. Его просчет. Сейчас я жалела об одном, что не успела вовремя уйти.

По поводу Суань Куна генерал расходиться не стал. Это глупо. Бывают такие ситуации, где сила светлого культиватора бесполезна. Не хочу быть прорицательницей, но когда-нибудь они сами поймут, что подобная сила почти всегда бесполезна.

И после праведной отповеди Вэнь Чжэнь обратил на меня свой взор.

— Почему не ушла? — сверлил он меня глазами.

— Имела причины, — признала я.

— Зря не ушла, я не доверял тебе раньше, а теперь стану доверять еще меньше.

— Я не удивлена.

Он не продолжил расспрашивать, подозвал Суань Куна.

— Наложил ей новые путы, — бросил Вэнь Чжэнь, отворачиваясь. — И печать-маяк, чтобы не могла отойти дальше, чем на пятьдесят шагов. Лань Чжэ, если сделаешь хоть одно лишнее движение в ее сторону, следующую неделю пойдешь пешком, привязанная к седлу. Цзян Тан, займись лошадьми. Двух недосчитались, остальные наглотались воды. На первой же деревне меняем или лечим. Всем ясно?

Команда ответила молчаливым, напряженным рвением.

Суань Кун подошел ко мне с новым свитком и холодным, безличным выражением лица. На этот раз он не только крепко связал мне руки за спиной новой, еще более грубой веревкой, но и обвел лодыжки цепью с мелкими звеньями — не серебряной, но тяжелой и неудобной. Потом он приложил к моему запястью небольшую костяную табличку, на которой вырезал иглой быстрый иероглиф. Чернилами послужила собственная кровь. Я почувствовала, как от таблички в кожу впивается тончайшая, невидимая нить энергии, привязывающая меня к нему. Печать-маяк. Попытка отдалиться дальше положенного вызвала бы жгучую боль, а у них сигнал.

Меня расположили на прежнее место у скалы, как тук с поклажей. Команда, подавленная и злая, быстро разошлась по лагерю. Лань Чжэ не смотрела ни на кого, ее плечи были напряжены до дрожи. Цзян Тан делал вид, что все в порядке, но его обычная легкость исчезла без следа. Только Суань Кун оставался неизменным — молчаливым.

Они устали, потому что были людьми, а я, хоть и утомилась, но уже знала, что не сомкну глаз. Я не человек, во мне больше сил, чем в каждом члене этой команды.

Не сказать, что меня это не удручало. Я бы предпочла забыть, чем думать о том, что принесет следующий день.

Луна стояла высоко, заливая поляну призрачным серебристым светом. У потухшего костра лежали неподвижные фигуры Суань Куна, Лань Чжэ и Цзян Тана. А передо мной

уселся Вэнь Чжэнь.

Ночью его лицо казалось еще бледнее, а тени под глазами еще глубже. Пока он молчал, через секунду неожиданно вытащил короткий, охотничий нож, наклонился и несколькими точными движениями перерезал веревки на моих запястьях, а потом отщелкнул несложный замок на цепи у лодыжек. Боль от прилива крови к онемевшим рукам заставила меня сдержанно застонать. Он отступил на шаг, дав мне пространство.

— Вставай, — тихо сказал он. — И не пытайся бежать. Маяк еще действует. И я не такой, как Цзян Тан.

— Да, менее красивый, — ощерилась я, растирая затекшие мышцы на ногах.

Генерал не отреагировал.

Он подозвал к себе поближе, расстелив на камне свой плащ.

— Садись.

Я села, недоумевая, с чего бы он стал так вежлив. Все-таки решился меня убить?

— Почему? — спросил он. Интонация была странная, наполненная задумчивостью, болью и усталостью.

— Почему я вернулась? — переспросила я, потирая запястья.

— Да.

Я пожалала плечами, хотя жест вышел скованным.

— Вы бы сами разобрались, рано или поздно. Возможно,

Лань Чжэ пошла бы ко дну, но вы бы поняли, что это не демон, взяли бы железо вместо серебра, нашли бы правильные печати, или просто ушли бы, оставив Шуйгую лошадей. Она бы успокоилась.

— Это не ответ.

Я вздохнула, глядя куда-то поверх его плеча, на серебящиеся верхушки деревьев.

— Так хочется разбередить душу демоницы? Я не ради вас старалась, уж тем более не ради твоей подчиненной, господин Вэнь. Мне противно было смотреть, как вы без уважения относитесь к духу. Сражаться с тоской мечом... это как пытаться остановить половодье, вычерпывая воду ложкой. Это глупо. И... противно моей природе.

— Твоей природе демона? — в его голосе прозвучал едва уловимый вызов.

— Моей природе существа, которое сочувствует, — резко парировала я, впервые за день позволив себе прямоту. — Я жила среди людей, Вэнь Чжэнь. Долго жила, гораздо дольше, чем ты живешь на этом свете. С моей точки зрения, я была... нейтральна. Была мирной. А потом пришли вы, со своими мечами, своими печатями, своей священной ненавистью. Схватили меня, связали. Обозвали тварью и демоницей. И готовы были зарубить у первого же дуба. Для вас демоны плохие. Но с моей точки зрения плохие вы. Беспричинные агрессоры.

Я замолчала, переводя дух.

— Разве хулицзин не похищают человеческую печень? — нахмурился генерал. — Разве вы не накладываете иллюзию, чтобы в вас влюбился какой-нибудь простофиля.

— Ммм, — задумалась я. — А в наших поверьях человек забирает маленьких детишек, чтобы их съесть, это близко к правде?

— Естественно, нет, — возразил Вэнь Чжэнь.

— Верно, есть плохие люди и хорошие, но почему-то, — продолжила я с горькой иронией, — когда дело доходит до людей, такая логика не работает. Если человек убивает, грабит, предает — это "сложная судьба", "тяжелое детство", "обстоятельства". Его пытаются понять, ему дают шанс. Его судят, а потом выносят приговор. А для нас, для духов, для демонов, для всего, что не укладывается в вашу узкую картину мира, есть только один ярлык — "нечисть". И один приговор — смерть. Вы даже не пытаетесь понять. Вы не спрашиваете: "Почему этот дух тоскует? Что ему нужно?" Вы сразу хватаетесь за меч. И это... — я снова вздохнула, и в этот раз в голосе прозвучала неподдельная усталость, — это очень, очень глупо. И очень по-человечески жестоко.

Он долго молчал. В его глазах, отражавших лунный свет, что-то двигалось. Не тьма. Мысли. Тяжелые, неприятные мысли.

— Ты сказала, что не бывает плохих или злых людей, — наконец произнес он. — Но я видел зло. Я видел, что творят демоны с деревнями.

— А я видела, что творят люди с другими людьми, — парировала я. — И с духами. И с моим родом. Зло — это не вид, господин Вэнь Чжэнь. Это поступок и выбор. И его могут делать все. И демон, и человек, и небожитель. И добро тоже выбор. Его тоже могут делать все. Вот сегодня я сделала выбор. Могла сбежать, позволить духу страдать, а вам всем позволить глупо погибнуть. Вы бы, оказавшись на моем месте, сделали такой же выбор? Или все, что вы можете выбрать в отношении моего рода — это острота меча?

Он не ответил. Отвернулся, глядя в лесную чащу. Его спина, обычно такая прямая, казалась ссутулившейся под невидимой тяжестью.

— Получается, ты рисковала, чтобы помочь духу, — сказал он, больше не глядя на меня. — Зная, что тебя снова свяжут. Зачем?

Я рассмеялась.

— А вы рискуете, ведя за собой людей, которые вас подводят. Зная, что проклятие съедает вас. Зачем? Долг? Честь? Глупость? У всех свои тараканы в голове, генерал. У меня — невозможность пройти мимо, когда душа страдает из-за чьего-то невежества. Это мой долг или моя глупость. Решайте сами.

Он снова повернулся ко мне. Не знаю, что на него нашло. Приступ сумасшествия, или он проникся моими речами, но он разрешил:

— Маяк останется, — сказал он тихо, но твердо. — Но пут

больше не будет. Лань Чжэ получит приказ не трогать тебя без причины. Взамен ты обещаешь, что больше не сделаешь попыток сбежать.

— Какая щедрость, — подавилась я, чувствуя, как комок горькой иронии застревает в горле. Весь этот разговор, вся эта показная усталость и мудрость — а в итоге все свелось к новой форме клетки. Маяк вместо пут. Невидимый поводок вместо кожаного. Прогресс, не поспоришь.

Вэнь Чжэнь смотрел на меня, ожидая ответа. Его лицо в лунном свете было похоже на маску ритуального духа — неподвижное, вырезанное из слоновой кости, с двумя темными провалами глаз. В этих провалах все еще клубилась его личная тьма, но теперь в ней, казалось, плавали осколки только что услышанного. Он ждал обещания. Слова. Еще одной нити, чтобы опутать меня.

Я открыла рот, чтобы выдать что-нибудь едкое и уклончивое, как вдруг его взгляд, острый как бритва, метнулся в сторону, за мою спину, к груди общих вещей. Его тело напряглось с тихой, смертоносной готовностью. Я даже не успела обернуться.

Он двинулся так быстро, что его рука превратилась в смазанное серебром движение в лунном свете. Из рукава со свистом выскользнул короткий метательный нож и умчался в темноту, туда, где у ствола старой березы лежала котомка с провизией. Котомка, кстати, очень прытко двигалась к чаще.

Удар был точен и безжалостен. Раздался не крик, а стран-

ный, пронзительный визг, больше похожий на скрежет железа по стеклу, чем на голос живого существа. Сумка дернулась, будто в ней забились крупная рыба.

— К оружию, — рявкнул Вэнь Чжэнь, уже на ногах, его меч, казалось, материализовался в его руке из ночного воздуха.

Лагерь взорвался хаосом. Суань Кун моментально вскопал одним движением, его пальцы уже лепили в воздухе светящиеся иероглифы защитной печати. Лань Чжэ, забыв про сон и прошлые унижения и обиды, выхватила кинжал, встала спиной к спине с Цзян Таном, который, потирая глаза, тем не менее успел натянуть тетиву небольшого арбалета. Все произошло за считанные сердечные удары.

Я лениво зевала. В такой компании смерть от демонов или призраков мне точно не грозит. Ну и бандитам я бы советовала не соваться.

Вэнь Чжэнь, не сводя глаз с котомки, медленно подошел к ней. Он не стал поднимать ее. Он резко, одним движением, перерубил мечом кожаные завязки и брезгливо отшвырнул верхнюю часть ног.

И там, среди лепешек и вяленого мяса, извивалось Оно.

Сначала я подумала, что это большой, исхудалый лесной кот. Но потом лунный свет упал на него правильно, и я разглядела существо, которое давилось вяленным мясом.

Шерсти у существа не было, один бок был "пустым", в котором явно проглядывались кости. Уши были слишком боль-

шими, с кисточками, трясущимися от ярости. А глаза... Глаза горели ядовито-зеленым, не отраженным, а внутренним светом, как два крошечных болотных огонька. Из бока у него торчала рукоять ножа, брошенного Вэнь Чжэнем, но едва ли этот нож приносил ему хоть какую-то боль.

Вэнь Чжэнь никогда не встречался с подобными, он, не колеблясь, занес меч для решающего удара. Дух, казалось, понял это. Он выгнул спину, его остатки редкой шерсти встали дыбом. Из горла вырвался хриплый, скрипучий, но абсолютно членораздельный поток слов на человеческом языке — вернее, на самой его грязной, таверной ипостаси.

— Кто напал? Кто этот стервец, — шипело животное, больше всего похожее на лысого кота. — Подойди, пасть порву, моргала выколю.

— Чего? — изумился Цзян Тан, убирая свой арбалет. — Что это за кожаная грелка?

— Жалкий двухножный мешок с костями! — верещало существо, его голос звучал так, будто кто-то пилит ржавую цепь. — Ткнул железкой, да? Думаешь, это больно? Я тебя сейчас так порешу, что твои прабабки в пятнадцатом колене ахнут. Кишки выпущу, печень на закуску, а глаза выколю и в шары для благородных дам подарю. Всех вас, вонючих, шумных, тупых, как валенки! Спать нельзя из-за вас, жрать нельзя! Краду тихо, как полагается благородному разбойнику, а вы — бац, ножом. Нецивилизованно.

Последнее слово он выкрикнул с таким презрением, что

даже у меня бровь поползла вверх. Ругался "кот" отменно. Лагерь застыл в немом шоке. Даже Лань Чжэ опустила кинжал, ошеломленная потоком брани из пасти животного.

Вэнь Чжэнь лишь стиснул зубы, и тьма в его глазах вспыхнула в такт ярости. Меч продолжил движение.

И тут я встала. Не знаю, что на меня нашло. Возможно, усталость от всей этой бесконечной резни. Или просто чистое, необъяснимое сочувствие, вырвавшееся из самой глубины.

— Стой, не трогай его.

Мой голос прозвучал негромко, но с такой железной интонацией, что Вэнь Чжэнь замедлил удар, а все взгляды резко переключились на меня. Я шагнула вперед, между генералом и шипящим клубком ночи и злости.

— Ты, что, его не слышала? Он собирается нас убить.

— Это кот, — развела руки я. — Проклятый, но кот. Если вы готовы убить кота, который, признаю, обладает цветистым словарем, то у меня возникают вопросы.

— Он демон, — настаивал Вэнь Чжэнь, но обернувшись, он не нашел помощи у своих соратников.

— Это Майогуй, — прошептал Суань Кун, и в его голосе прозвучало нечто среднее между отвращением и профессиональным интересом. — Дух кошки. Мелкий, вредный, злопамятный демоненок. Нам он не причинит вреда.

— Ты с ума сошла? — прошипела Лань Чжэ. — Это же маогуй. Он выцарапает наши глаза.

— И уже пообещал это сделать, — парировала я, — Но пока что ты все же видишь. Вы всерьез рассматриваете эту угрозу?

— Он — нечисть, — холодно произнес Вэнь Чжэнь. — И он атаковал наш лагерь.

— Он пытался прокормиться, — возразила я, чувствуя, как абсурдность ситуации нарастает. — Посмотри на него. Он худой, как щепка. Он не нападал на людей. Он воровал еду, как настоящий голодный кот. Потому что он и есть голодный кот. Только мертвый.

Последнее, конечно, добавлять не стоило. Герои лишь больше стали испытывать презрение.

Маогуй, услышав мои слова, перестал выгибать спину. Его зеленые, светящиеся глаза сузились, изучая меня с недоверчивым интересом. Дымчатая субстанция сочилась из раны медленнее.

— Он — нечисть, — повторил Вэнь Чжэнь, раздраженно, но уже без прежней уверенности. — И он опасен.

— Опасен? — я рассмеялась. — Господин генерал, маленький демон, да, нечисть, да, но это не существо, рожденное в царстве демонов. Это чужая жестокость, магия гуду, если хотите знать.

Это слово заставило Суань Куна нахмуриться, а Лань Чжэ презрительно скривиться.

— Колдовство южных варваров, — бросила она.

— Верно, колдовство, которое изобрели люди, — сказа-

ла я, не сводя глаз с Вэнь Чжэня. — Берут животное, часто кошку, собаку, змею, и особыми, жестокими ритуалами, полными страдания и ненависти, убивают его, привязывая дух к месту или предмету. Получается слуга-охранник, предвестник беды... или вот такой вечно голодный, злой призрак. Эту кошку убили люди. Намеренно. И теперь вы хотите добить то, что от нее осталось? Его следует пожалеть.

Я видела, как мои слова бьют в цель. По крайней мере, настороженность всех отпустила.

— Пожалеть? — скрипуче прошипел маогуй. — Меня? Ха! Да я всем вам глотки перегрызу, печенки повыковыриваю, я...

— Замолчишь, — продолжила за него угрожающей интонацией, опускаясь к земле. — Ты и так наговорил достаточно. Твой характер, я вижу, соответствует репутации, скверный, злобный и абсолютно кошачий. Ты хочешь всех порешить. Понятно. А теперь скажи, сколько из этих угроз ты реально можешь выполнить, пока Суань Кун не наложит на тебя печать, от которой ты забудешь, как материализовывать когти?

Маогуй замер, обернувшись на культиватора. Его уши с кисточками прижались к черепу.

— Это нечестно, — буркнул он.

— Жизнь вообще нечестная штука. Особенно для того, кого убили ради магии гуду.

Вэнь Чжэнь медленно опустил меч. Но не вложил в нож-

ны.

— Он нормально говорит, — произнес он, обращаясь больше к себе, чем к другим. — Мысли по человечески.

— Конечно, говорит, — возмущенно фыркнул маогуй. — Я не какое-то там мычащее привидение. Я был... я был... — он запнулся, и его зеленые глаза на миг помутнели. — Я был кем-то. До того как... эти твари в черном... с дымом и медными колокольчиками... — Он затряс головой, словно отгоняя воспоминание, и снова зашипел. — Все равно! Я теперь всех ненавижу! И особенно вас!

Лань Чжэ задохнулась от возмущения.

— Да зачем нам с ним разговаривать. Быстрее уничтожить его, как полагается.

— Уничтожить кошку? — я подняла бровь. — Героический подвиг. О нем точно сложат песни. "Как отважные воители генерала Вэнь Чжэня победили ужасного... полупрозрачного котика, укравшего вяленую баранину". Звучит поэтично. Честно, если не погибну в вашем путешествии, то всем расскажу.

Цзян Тан кашлянул, пытаясь подавить смех. Даже угрюмое лицо Суань Куна дрогнуло.

— Ты издеваешься над нами? — сузил глаза Вэнь Чжэнь.

— Я пытаюсь до вас достучаться, — поправила я. — Вы в необычном лесу. Разве вы не чувствуете? Воздух здесь гуще, деревья старше, тени самостоятельнее. Я здесь живу не одну сотню лет. Здесь всегда будет много всего не совсем челове-

ческого. Вы не можете прочесать его мечом и печатями, высекая все подряд. Иногда... иногда нужно просто не лезть и пройти мимо. Иначе до самой смерти будете ловить местных существ. А у тебя, господин, — сладко пропела я, напоминая, — времени почти нет.

Вэнь Чжэнь что-то пробормотал себе под нос, но я не слышала. Вряд ли что-то приятное моему уху. Скорее очередные оскорбления.

Чуть помедлив, я провела ладонью по коже кота и по его редкой шерсти.

— Как тебя зовут? — спросила я еще раз, уже мягче.

— Мао Сяо, — клацнул он своими зубами.

— Мао Сяо, тебе подходит. Хочешь остаться? — я обернулась на Вэнь Чжэня, вовремя вспомнив, что мне стоило сначала заручиться его согласием. Но уже было поздно.

Глаза кота расширились.

— Зачем? — проскрипел он подозрительно.

— Потому что демоны не убивают друг друга. Мы можем тебя накормить.

Мао Сяо оценивающе посмотрел на Вэнь Чжэня, на его все еще напряженную позу, на клинок, отливающий лунным светом.

— Ладно, — буркнул он. — На одну ночь. И я хочу мяса.

Я умоляюще воззрилась на генерала. Не может же он по-настоящему хотеть убить маогуя. Тот же не виноват, что когда-то давно пострадал. Неужели в сердце мужчины не най-

дется сострадания?

Казалось, что Вэнь Чжэнь неумолим, не разрешит. То, что он не убил кота в первую секунду, уже большая удача.

Он глубоко вздохнул. Потом медленно вложил меч в ножны.

— Одну ночь, — отрезал он и обратился к своим соратникам. — Суань Кун, на него тоже печати наложи. Лань Чжэ, достань ему мяса. Цзян Тан, Цзян Тан, да перестань ты его гладить, — потому что в этот момент Цзян Тан тоже опустился вниз и с любопытством провел пальцами по спине Мао Сяо. — Если этот... кот попытается что-то украсть или напасть, ты имеешь право действовать по своему усмотрению.

Лань Чжэ выглядела так, будто ее заставили есть пепел, но, бросив ядовитый взгляд на меня и на кота, она поплелась к запасам. Суань Кун без комментариев начертил в воздухе бледно-голубой иероглиф и направил его на Мао Сяо. Тот вздрогнул, когда символ коснулся его шерсти, но не причитал и не ругался.

Через минуту Мао Сяо, уже не такой воинственный, жадно уплетал кусок вяленой баранины, положенный на плоский камень. Звуки, которые он при этом издавал, были совершенно кошачьими — довольное урчание, перемежающееся с чавканьем. Это было настолько нелепо и нормально одновременно, что напряжение в лагере начало понемногу рассеиваться, сменяясь всеобщей, глубокой усталостью.

Маогуй оказался на редкость тихим и компактным со-

жителем. Свернувшись холодным, но удивительно плотным клубком у моих ног, он издавал ровное мурлыканье, больше похожее на отдаленный гул подземного ключа, чем на звук живого существа.

Наутро, когда лагерь свернули, Мао Сяо не исчез. Он стоял в стороне, вылизывая лапу с видом полного безразличия к нашему сбору. Когда тронулись в путь, он поплелся следом, держась на почтительной дистанции, будто просто шел в том же направлении.

— Убирайся, — беззвучно сказал ему Суань Кун, когда мы проходили мимо очередного валуна. — Тебя не звали.

Мао Сяо зашипел, его зеленые глазки-щелки сверкнули насмешкой.

— Лес мой. Иду куда хочу, праведник.

Суань Кун сделал резкое движение рукой, и в воздухе запахло озоном. Мао Сяо вскрикнул, коротко, по-кошачьи обидно, и юркнул в густой папоротник. Я вздохнула, думая, что на этом и закончится наше знакомство, но через полсотни шагов из-под корней старой сосны высунулась худая морда, а еще через сотню он уже вышагивал позади Цзян Тана, вальяжно помахивая лысым хвостом.

— Он как репейник, — буркнул Цзян Тан, но в его голосе слышалось скорее развлечение, чем досада. — Прицепился и все.

— Пристрелить? — деловито предложила Лань Чжэ, не глядя на кота.

— Не трать стрелы, — отрезал Вэнь Чжэнь, и на том вопрос был исчерпан.

Так маогуй и прибился. Иногда он исчезал в чаще, чтобы вернуться с птичьим пером в зубах или с мокрыми усами. Иногда спал у меня на коленях, когда мы останавливались.

Лес начал редеть через два дня. С тоской подумала о том, что так давно и надежно в нем укрылась, что он стал мне домом. А теперь меня ждут опасности, возможно, чего я буду неистово избегать, встреча со старым врагом.

Мы приближались к большой деревне под названием Юаньмэнь, которая находилась у подножия гор Линлун.

Сами горы, "Драконьи Хребты", вздымались на западе серо-голубыми исполинами. Их вершины даже в разгар лета носили белые шапки, а местные поэтично называли эти шапки сединами небесных драконов.

В деревню два раза в год съезжались за сотни ли торговцы, чтобы купить или продать знаменитых линлунских козлов. Животные эти славились не размером, а нежнейшей шерстью цвета темного серебра и рогами причудливого изгиба. Их мясо считалось целебным, а молоко эликсиром для голосовых связок певцов и сказителей.

А еще местные жители очень красиво одевались. Женщины Юаньмэня носили расшитые бисером, очень яркие платья. Урашали себя тяжелыми головными уборами из серебра, а пояса и рукава расшивали маленькими колокольчиками.

Не так уж и давно я в последний раз была в деревне, но сегодня она сама на себя не походила. Торговая площадь была пуста. Ни шумных стад, ни пестрых шатров, ни разногласного гомона. Ветер гонял по земле обрывки соломы и пу-стые стручки чего-то высохшего.

Людей почти не было. А если мы кого-то и замечали, то они носили неприметный бежевый, а то и белый цвет.

— У кого-то похороны, — отметила Лань Чжэ.

— Но не у всех же, — процедил сквозь зубы Вэнь Чжэнь.

— Что же здесь произошло? — тихо спросил Цзян Тан, потеряв всю свою привычную легкомысленность. — Может, это наш профиль?

Вэнь Чжэнь ничего не ответил. Его взгляд блуждал по пустыющим улицам, по заколоченным ставням. Внезапно раздался скрип из-за поворота, какой-то старик вез небольшую тачку с разной снедью.

— Дедушка, дедушка, — быстро подошел к нему генерал.

Бедный старик, не ожидавший подвоха, вздрогнул и попытался, но Вэнь Чжэнь был уже рядом.

— Не бойтесь нас, простите за грубость. Мы путники. — Показал он на наши фигуры. — Наши лошади пострадали в пути. Мы планировали купить здесь новых. Где можно найти старосту? Или того, кто торгует скотиной?

Старик что-то невнятно пробормотал. Вэнь Чжэнь наклонился, чтобы расслышать. Я со своим лисиним слухом трудностей не испытывала.

— Да было бы кому торговать, добрый человек. Уходите лучше, пока не поздно.

— Что значит, пока не поздно, дедушка? — вежливо, но настойчиво расспрашивал Вэнь Чжэнь.

— Да то и значит, — печально выдохнул житель деревни. — Беда у нас, видно кто-то проклятие наложил. Все люди страдают.

— Проклятие? А в чем выражается? — все больше хмурился генерал.

— Хворают все, помирают в муках. Видно, позавидовали нам. Эх, — погрозил старик невидимому врагу, — знать бы кто. Но вы лучше не оставайтесь у нас. Еще и на вас проклятие перепадет.

Последние слова он говорил с таким суеверным ужасом, что даже Лань Чжэ впечатлилась. Все, как по команде, повернули головы ко мне.

Ах да, забыла. Раз я хулицзин, то от меня все беды.

Я почувствовала, как под этим тройным прессом сжимается желудок. Мао Сяо тычком холодного носа в лодыжку вернул меня к реальности.

— Что, демоница? — негромко спросила Лань Чжэ, чтобы бедный старец не слышал. — Чувствуешь свое?

Я закрыла глаза на секунду, отбросив обиду и напряжение. Включила те чувства, что были мне даны от рождения, но... ничего не почувствовала. Если с Вэнь Чжэнем я ощутила тьму через мгновение, то в Юаньмэнь мне бы вечность

понадобилась.

— Никакого проклятия здесь нет, — сказала я четко, глядя прямо на Вэнь Чжэня. — Это что-то другое.

— Врешь, — мгновенно взвилась Лань Чжэ.

— Зачем мне врать? — я развела руками, позволив раздражению прорваться в голос. — Если бы здесь орудовал демон или бешеный дух, я бы почувствовала это раньше вас всех. Нет, это не проклятие. — Скривившись и подарив эту гримасу воительнице, я подошла к дедушке и подхватила его за руку. — Дедушка, а вы не покажете тех, кто болеет?

— Вам-то зачем, милая барышня, — встрепенулся пожилой мужчина. — Заснете еще с ними, а ваш жених мне голову отрубит, до того грозен.

Я недоуменно посмотрела в ту сторону, куда глядел старик. Это Вэнь Чжэнь-то жених. Мда, скорее в Диюй наступит вечный холод.

— Она мне не невеста, — фыркнул генерал. — Не беспокойтесь, клянусь вам, я и мои спутники никого не обидят. Мы хотим помочь. Проведите нас к больным.

Старик, которого звали Лао Фу, вскоре согласился и повел нас к своему дому.

Домик был добротный, но из-за отсутствия торговли и из-за больных, здесь было темно. На свечах явно экономили. Еще пахло смрадом: неумытыми телами, болезнью.

— Какая вонь, — прошипел Сяо Мао, которого спрятали в одной из котомок.

— Не высовывайся, не пугай людей, — толкнул его ко дну безжалостный Суань Кун.

В главной комнате на циновке лежали двое.

— Это мой сын и невестка, — жмурился старик. — Выехал сегодня на площадь, чтобы к похоронам подготовиться. Видно, и до завтрашнего дня не доживут.

— Подожди, дедушка, — с сочувствием произнесла я. — Разрешаешь мне их осмотреть?

— Как не разрешить. На чудо и надеюсь. Поможешь, молодая барышня, буду до конца жизни тебе должен.

Я было хотела поблагодарить за такое доверие, но меня оттеснил Вэнь Чжэнь.

— Не спеши ей ничего обещать, дедушка. Во-первых, она еще ничего не сделала. А во-вторых, — он посмотрел на меня, — не будешь ты ей ничего должен при любом исходе.

Фыркнув, я закатила глаза. Что за поверье? Не нужно мне ничего от несчастного человека.

Я опустилась на колени, отбросив прочь тревогу и посторонние взгляды. Ухаживали за больными плохо, образовались пролежни, покраснения. Но можно ли ругать старика. Он один, выглядит крепким, но вряд ли бы смог обеспечить нормальную заботу.

Первым делом проверила пульс. Взяла холодную и вялую руку женщины, кончики пальцев у нее были слегка одеревеневшими, будто от легкого мороза. Я высчитывала удары, но они очень глухо проступали. Упорно вслушиваясь, я уловила

слабый, нитевидный толчок, раз в несколько долгих секунд. То же самое у мужчины.

Дыхание было столь же редким: едва заметное движение грудной клетки, легкий свист на вдохе. Приоткрыла веки женщины. Зрачки ее были расширены, но не отреагировали на свет. После проверила сухость слизистой во рту.

Мне пришла одна догадка.

— Дедушка Лао Фу, — заговорила я тихо, не отрываясь от больной. — Они жаловались на что-то перед тем, как заболеть? Головокружение? Сухость во рту? Может, говорили, что сердце колотится, как бешеное, или видели... то, чего нет?

Старик, стоявший в дверях, вздрогнул и кивнул, обхватив себя за плечи.

— Как ты узнала, барышня? Да, сын за день или два говорил, что в висках стучит, будто молоточки, и в глазах двоится. А Лицзюнь, невестка, кричала одну ночь, что по стенам тени скорпионов ползают. Да и соседей все так же. Вот мы и подумали, что проклятие. Раз человек кошмары наяву видит. Отпаивали всех заговоренной водой, к знахарю водили... не помогло.

— А когда первые жители заболели? — задумалась я.

— Я уж и не помню, — потер Лао Фу подбородок. — Примерно после ярмарки.

На ярмарке значит? На ярмарке товарами обмениваются. В предгорье хорошо с мясом, но плохо с овощами, рисом,

специями.

— Можно пройти на кухню? — спросила я, поднимаясь.
— Показать, из чего готовили в последние месяцы. Где храните зерно?

Лао Фу, смущенно покосившись на Вэнь Чжэня, получил от него короткий кивок и повел меня в крохотное, закопченное помещение.

Я обвела глазами комнату и остановилась на большом, потрепанном мешке риса в углу. Он был из грубой ткани, и его точно купили. Не ткут в этой деревне из подобной материи.

Развязав веревку, я заглянула внутрь. Там, как и ожидалось, хранился рис. Но он был не чистым, белым, а больше сероватым и с многочисленными примесями. Я запустила руку глубже, просеивая зерна сквозь пальцы, наткнулась на сухие, ломкие стебельки. Вытащив горсть, я поднесла к узкой полоске света из окна, а еще и приняхалась.

Острый нос мгновенно уловил горьковато-сладкий запах. Это был дурман, сорняк, растущий на пустырях. Его семена, перемолотые в муку или сваренные вместе с кашей, могли отравить. Из дурмана часто изготавливали яд.

В мешке его было немного, так что обычный человек разницы бы не почувствовал, аромат бы не ощутил. Но не лиса.

— Этот рис, дедушка, откуда? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Да купили на ярмарке, полгода как, — оживился старик. — Торговец один, приезжий, из Фугуя, дешево отда-

вал. Говорил, залежалый немного, с травами перемешался, но чистить лень. Ну, мы подумали, трава травой, выберем, не пропадать же добру. Да вся деревня покупала.

Я высыпала находку на стол. За моей спиной стояли Вэнь Чжэнь и его команда.

— Вот и ваше "проклятие", — ткнула пальцем в соринки. — Не демоны и не злые духи. Жадность и невежество. Торговец, скорее всего, собрал урожай с поля, заросшего дурманом. Или подмешал его, по незнанию, чтобы увеличить вес. А люди, чтобы сэкономить, купили отраву.

— Ох, что же это делается? — ошеломленно воскликнул Лао Фу. — Сами ели же, добровольно. А мне сын этот рис не давал, говорил, чтобы более дорогим питался.

— Хорошо, что не ели. Сын ваш молод, может, и выкарабкается.

Неожиданно для меня, впрочем, и для остальных, дедушка упал на колени и пополз ко мне.

— Барышня, ты умная, как лихо загадку раскрыла, а еще по тебе видно, что ученая. Помоги, вылечи моего сына и невестку. Что угодно за них готов отдать.

Я растерянно посмотрела на старика, а потом на Вэнь Чжэня. Я боялась что-либо обещать, потому что понятия не имела, вытащу ли я заболевшего мужчину и его возлюбленную с того света. Подобный сил и у владыки демонов нет.

Вэнь Чжэнь тоже переводил взгляд с моей находки на бледные лица пары. Его собственное проклятие, возможно,

делало его более восприимчивым к чужой боли, запертой в теле.

— Можешь помочь? — спросил он коротко.

— Могу попробовать.

— Господин, а она и людей лечить умеет? Не хул... — за-
беспокоилась воительница.

Я ее перебила, чтобы она ненароком не выдала меня перед дедушкой.

— Нельзя же все на демонов и проклятия валить. Иногда люди просто сами виноваты.

— Лань Чжэ, хватит, — прервал Вэнь Чжэнь, а после опять обратился ко мне. — Что тебе нужно?

Я засыпала его и других мужчин инструкциями.

— Ревень. Его корень. Нужно из него приготовить сильный отвар, чтобы очистить кишечник и вывести остатки яда. Ягоды лимонника и корень женьшеня — для отвара, который будет подстегивать сердце и дух, не даст жизненной ци угаснуть. Свежий имбирь, чтобы его растереть, смешать с теплой водой, стимулировать кровь. И много-много теплой кипяченой воды.

К моему удивлению, Цзян Тан шагнул вперед.

— Ревень и имбирь я видел на той самой злополучной тачке старика. Лимонник и женьшень в аптекарской лавке должна быть, если ее не разграбили. Я разберусь. Готовить тоже умею. — Он бросил вызов Лань Чжэ взглядом. — Что, не веришь? Красавицы любят мужчин, которые мастеровиты на

кухне. Пусть она больными занимается, а я отвары сварю.

— Я в аптекарскую лавку, а потом воды принесу, — вышел из комнаты Суань Кун.

Вэнь Чжэнь кивнул Лао Фу:

— Пойдемте со мной. Покажете, кто еще покупал тот рис.

И началась долгая, изматывающая работа, в которой не было места словам.

Цзян Тан оказался проворным и умелым. Вскоре в доме запахло горьковатым ароматом отвара ревеня и острым, бодрящим духом имбиря. Он растер корень в мелкую кашу, смешал с теплой водой, а ягоды лимонника и ломтики женьшеня поставил томиться на слабом огне.

Я занималась больными. Сначала хотела их чуть-чуть омыть, прежде чем начать лечение. Мне, как ни странно, помогла Лань Чжэ. Помощницей она вышла хорошей, не смущалась и не робела, когда я раздела сына Лао Фу.

Весь оставшийся день и всю ночь мы вливали в пару отвары, ждали, когда желудок прочистится, поили водой и убирали за ними.

Цзян Тан, сменивший бравату на сосредоточенную молчаливость, подносил пиалы, подкладывал дров в очаг. Вэнь Чжэнь и Суань Кун вернулись глубокой ночью. Они обошли всю деревню, предупредили жителей, рассказали им, чем лечить. После собрали мешки с рисом и сожгли их на окраине.

И вот, под утро, когда первые птицы начали перекликаться за окном, случилось чудо, на которое я уже и не надеялась.

Пальцы невестки Лао Фу, дрогнули, сжались. Потом в желудке раздался громкий гул. Она внезапно сама приподнялась и дотянулась до таза, освобождая себя от яда.

Я и Лань Чжэ замерли. А женщина, обнаружив, что она не одна, смущенно застонала.

— Линь Юэ, — выглянул из котомки кот. — Вы, что, их вылечили?

Глава 3. Линь Юэ

Прошло три дня. За эти три дня я едва ли успела сомкнуть глаза больше чем на два или три часа. Зато мне удалось помочь не только семье Лао Фу. Следом за его сыном и невесткой очнулись еще несколько человек из других семейств, тех, кого яд не успел съесть настолько глубоко. К тому же Цзян Тан показал жителям, как варить отвары.

Деревня стала оживать. Все больше народу выходило на улицы.

Отношение ко мне в команде изменилось. Не кардинально — печать Суань Куна по-прежнему лежала на моей груди холодным камнем, а Вэнь Чжэнь смотрел на меня все тем же испытующим, тяжелым взглядом. Но исчезла та острая, готовая выплеснуться в любой момент враждебность. Теперь это была настороженность, смешанная с недоуменным интересом. Даже Лань Чжэ, помогавшая мне ухаживать за больными, перестала сыпать язвительными замечаниями.

Покидая Юаньмэнь, мы не купили лошадей. Староста нам их просто подарил, поблагодарив за помощь. Да и провожала нас целая толпа. Люди протягивали узелки с едой и обереги.

Узнай они, что я не человек, и что в моей сумке сидит и прячется полумертвый кот, были бы они в такой же степени благодарны?

— Спасибо, спасибо за все, господин, — не переставал

кланяется Лао Фу.

— Хватит, дедушка, — отнекивался Вэнь Чжэнь. — Вы все достаточно нас одарили. Вам спасибо за теплый прием.

— Лао Фу, скажи им, — неожиданно подтолкнул старика староста.

— Сказать, что? — нахмурился генерал.

— Господин Вэнь, мы в храм пойдем, вознести за вас молитвы. Хорошо, что вы к нам зашли. Но предупреждаем, не ходите в Байша. Держитесь подальше от тех мест. Вы же к реке выйти хотите.

— Хотим, да, — кивнул Вэнь Чжэнь, — но что в Байша?

— Там беда. Но не такая, как у нас. Там точно злой дух завелся. Даже наши жители его видели. Люди не спят, скотдохнет, а по ночам... — он оглянулся и прошептал испуганно, — по ночам там ходят те, кто должен лежать в земле. И смотрят пустыми глазами. Там проклятие настоящее. И смерть. Лучше обойдите стороной.

— Буду иметь в виду, — поклонился Вэнь Чжэнь.

Вся их команда переглянулась, а я осознала, что после таких слов они направятся именно туда.

Генерал хоть и сменил гнев на... вынужденное, презрительное равнодушие ко мне и маогую, но другим демонам не повезет. Он все так же их ненавидел, как и Суань Кун, как и Лань Чжэ.

Мы двинулись на север. Дорога вилась вдоль подножия Линлун, и пейзаж менялся. Сочные пастбища сменялись ка-

менистыми склонами, поросшими низким, колючим кустарником. Воздух стал суше, его не хватало.

Настроение в маленьком отряде было сосредоточенным, настороженным. Или почти у всех.

Цзян Тан, как оказалось, обладал даром разряжать обстановку в самые неподходящие моменты. Мы ехали на лошадях: впереди их глава, за ним воительница, потом праведник и я. Цзян Тан замыкал, но отчего-то захотел меня догнать и побеседовать.

— Знаешь, красавица, — начал он, его голос звучал томно и игриво, как струна циня, — я тут подумал, тот удар брусом по голове... он был на редкость искусным. Точно рассчитанным. Чтобы оглушить, но не убить. Признайся, ты же не хотела меня убивать?

Я покосилась на него, не понимая, к чему он клонит.

— Убила бы, но твои соратники бы не простили.

Он рассмеялся.

— О, наверняка, я же душа этой команды. Но я хотел бы поговорить о другом.

— И о чем же? — улыбнулась я.

— После того, как я увидел твою самоотверженность, твои старания, успел позабыть, что ты хулицзин. Отныне ты для меня красивая, старательная и добрая девушка. Я не буду держать обиду за тот удар и подлость.

Я не сдержала улыбки, флиртовать Цзян Тан умел. Будь другая на моем месте, быстро бы расплылась. А ведь к своим

словам он добавлял и жесты. Он играючи подмигивал, прижимал ладонь к сердцу, томно вздыхал. И кто не влюбится?

Атмосферу испортил Мао Сяо, показавшись из сумки.

— Линь Юэ, бери этого простачка в оборот. Поживимся печенкой.

Цзян Тан поперхнулся. Зато пришла моя очередь смеяться.

— Цзян Тан, — насмешливо заговорила я, — ты зря хочешь забыть, кто я такая. Не хуже тебя умею очаровывать. Живиться печенкой не стану, но...

Я позволила улыбке на своих губах смениться на нечто более медленное, более осмысленное. Не игривое, а... заинтересованное. Я придержала лошадь, чтобы он поравнялся со мной вплотную, и повернулась к нему всем корпусом. Взглянула осторожно на мужчину из-под опущенных ресниц, глубоко вздохнула..

— Ты говоришь о самоотверженности и доброте, — продолжила я, понизив голос до теплого, интимного шепота, который едва перекрывал стук копыт. — Это мило. Очень человечески. Но ты же не ребенок, чтобы верить в сказки. — Я наклонилась чуть ближе, и ветерок донес до него запах полыни и высушенных трав, что витал на моей одежде после деревни. — Тот удар был не только точен. Он был щадящим. Почему? Потому что убивать красивого, обаятельного мужчину не в моей природе. Сначала красавица лиса наслаждается его красотой, упивается его красноречием...

Цзян Тан выгнул брови, слушал, а после открыл рот, не веря своим ушам.

— Потом я бы поиграла бы с тобой в какую-нибудь азартную игру, — не переставала щуриться я, понимая, что Цзян Тан ошеломлен, — а когда бы тебе специально проиграла, пообещав выполнить любое твоё желание...

— То что бы ты сделала? Что? — воскликнул он нетерпеливо.

— Использовала бы тебя и вырубил, — завершила неожиданно я.

Он моргнул, один раз, ещё один...

— Ты... Линь Юэ, нельзя так с мужчинами, — возмутился Цзян Тан.

— Она тебя обвела вокруг лапы, щегол, — скрипуче проворкотал кот, снова показавшись из котомки. — Сдавайся. Печенку она, может, и не слопает, но душу вынула, почистила и аккуратно положила на место. У неё талант.

Цзян Тан не нашелся, что ответить даже коту. Он просто смотрел на меня, а я наслаждалась тишиной и маленькой победой.

Ага, очарует он меня. Видела я многих с его характером. На одном красноречивом уже обожглась.

Именно в этот момент в наш маленький мирок врезался ледяной голос.

— Цзян Тан.

Мы оба вздрогнули, как дети, застигнутые за шалостью.

Вэнь Чжэнь остановил своего коня на обочине тропы впереди и смотрел на нас. Нет, не на нас. На своего побратими. Лицо генерала было непроницаемо, но в воздухе вдруг запахло грозой.

— Да, господин, — занервничал Цзян Тан.

Отчего-то нам двоим показалось, что Вэнь Чжэнь слышал наш диалог целиком.

Как стыдно... Хотя нет, не должно быть мне стыдно. Генерал ведь знает, что я хулицзин, чего мне смущаться? Я лишь поставила наглеца на место.

— Твое место обозревать и охранять, а не носиться в праздных беседах, — произнес Вэнь Чжэнь, обращаясь к Цзян Тану. — Или ты забыл, где мы, и какая задача стоит перед нами?

Цзян Тан мгновенно выпрямился в седле, вся его расслабленность испарилась.

— Нет, Чжэнь, не забыл. Буду внимательней.

— Будь, не доставай Линь Юэ.

Больше генерал ничего не сказал, окинул и меня суровым взглядом напоследок, а потом вернулся на свое место во главе отряда.

Я поморщилась. Вездесущий Чжэнь, нельзя быть таким серьезным. Ему остался год, зачем проводить его в вечных заботах, лучше бы поразвлекался немного.

Вечерний привал в предгорьях был тихим. Мы расположились под нависающей каменной глыбой, напоминающей

голову спящего дракона. Внизу серебряной змеей вилась речка, шум которой заглушал неловкое молчание. Я сидела, прислонившись к теплому боку своей лошади, и наглаживала Мао Сяо.

Вэнь Чжэнь ушел, чтобы осмотреться, а остальные разбрелись.

Мой взгляд упал на Цзян Тана. Он чистил у огня свой изящный кинжал, и свет пламени играл на его красивом, теперь более задумчивом лице. То ли я его напугала, то ли гнев предводителя.

Мне захотелось исправиться.

— Цзян Тан, — начала я тихо, чтобы не привлекать внимания Суань Куна, медитировавшего поодаль.

— Что, красавица? — сразу подался он ко мне.

Ан-нет, ошиблась. Я его не испугала, больше заинтересовала.

— А можешь рассказать подробнее про проклятие господина Вэня? Вы давно с ним рядом, многое видели.

Он взглянул на меня, в его глазах мелькнула привычная игривость, но тут же погасла. Он посерьезнел.

— Линь Юэ, лучше не...

— Когда вы впервые столкнулись со вспышками ярости? — настаивала я, не отрывая рук от кота. — Он ведь не спит ночами. Часто? И как долго это длится? Пульсация в висках, холод в костях, его недомогания... они приходят перед рассветом или после заката?

Цзян Тан положил кинжал и вздохнул. Его пальцы нервно постучали по ножнам.

— Ты права насчет бессонницы. Он может не спать по трое суток, а потом рухнет на несколько часов, будто мертвый. А боль... — он понизил голос, — она приходит с тьмой. Буквально. Чем глубже ночь, тем хуже. А наутро он похож на того, кто дрался с призраками и проиграл.

Сердце у меня сжалось. "Цепь глубокой ночи" работала именно так, пожирая светлую ци и выпуская на свободу тьму в час ее могущества.

— А известно ли вам, когда именно его наложили? — спросила я еще тише. — Было ли что-то необычное? Знак, явление...

— Хватит! — раздался чужой и злой возглас.

Я и Цзян Тан посмотрели наверх. Лань Чжэ образовалась бесшумно, не зря столько лет воительница. Умеет подкрадываться бесшумно.

— Цзян Тан, ты что, совсем спятил? Ты выкладываешь наши тайны первой встречной демонице? Ты рассказываешь слабости нашего командира врагу.

Я не стала вставать, но назло ей зевнула.

— Ваш командир через год, а может и раньше, станет тем, кого вы так яростно ненавидите. Он станет демоном. — Мои слова повисли в холодном воздухе. — Так кого вы сейчас защищаете, Лань Чжэ? Его человеческое будущее, которого уже почти нет? Или свои принципы? Может, лучше дать мне

шанс понять, что за тварь это сделала? Возможно, не придется лезть в самое логово к Владыке. Возможно, я знаю того, кто это мог совершить. Но для этого мне нужны детали.

— Ты лжешь, чтобы выведать...

— Перестань, Лань Чжэ. Линь Юэ не выведывает тайну.

Всем в империи известно о моем недуге.

Мы все вздрогнули. Вэнь Чжэнь стоял на краю нашего круга, принесший охапку хвороста. Он бросил ее у костра и медленно выпрямился. Его лицо в танцующих тенях казалось изваянным из бледного мрамора, только тени под глазами были глубже ночи.

— Но, господин, она демоница.

— Проверь лошадей, — прервал он ее. А осознав, что девушка хочет снова что-то сказать, добавил. — Это приказ.

Она скривилась на секунду, бросив на меня взгляд, полный такой яростной обиды, что он был почти осязаемым. Затем резко развернулась и исчезла в темноте. Цзян Тан молча встал и отошел к Суань Куню, давая нам пространство.

Вэнь Чжэнь опустил на камень напротив меня. Огонь освещал одну половину его лица, оставляя другую в глубокой тени. Он смотрел на пламя, а не на меня.

— Ты хочешь знать, когда? Нужно, чтобы понять, что за демон?

— Желательно, — пожала я плечами. — Господин, поверь, мы можем зайти в Диюй, я проведу, но не ты, ни я не хотим там оказаться. Многие из демонов находятся в этом

мире. Будет славно, если твой обидчик где-то на поверхности.

— Хорошо, я отвечу на твои вопросы. Тайны из этого никогда не делал. Я знаю точно, когда проклятие наложили. Мне было три дня от роду.

Он сделал паузу, и казалось, ночь вокруг нас стала еще тише, словно сама прислушивалась.

— Это было в покоях моей матери. Такое же ночью. Все спали, кроме нее и кормилицы. Она рассказывала, что сначала почувствовала неестественный холод. Не от сквозняка. Такой холод, что иней выступил на краях вазы с пионами. Потом она увидела, как от стены отделилась тень.

Он замолчал, сжав кулаки на коленях.

— Она думала, это сон. Видения от усталости после тяжелых родов. Но тень обрела форму. Это был... мужчина.

Вэнь Чжэнь уставился на меня.

— Она описывала его? — не вытерпела я.

— Да, подробно описала. Раньше я думал, что она забылась, или демон наложил на нее какое-то колдовство. Она сказала, что он был прекрасен. Учитывая, что все духи и демоны, с которыми я сталкивался, были уродливы...

— Сам урод, — зашипел Мао Сяо с моих коленей.

— Так, иди, не мешай нам, — отпустила я kota на вольный выпас.

А тем временем генерал продолжил.

— До тебя я думал, что все демоны страшные и мерзкие.

С тобой я изменил точку зрения.

Хоть я и была демоном, но и оставалась женщиной. Фраза, сорвавшаяся с уст Вэнь Чжэна, смутно походила на комплимент. Можно было обрадоваться, да и я знала, что я очень красива, но когда генерал добавил сведений, мне стало грустно.

— Матушка назвала его прекрасным. Не земной красотой, а той, что пугает. Прямо как ты. Словно луна, спустившаяся в комнату. Высокий, в одеждах цвета ночного неба, расшитых тенями, которые шевелились. Волосы светлее луны, лицо безупречное. Без морщин, без шрамов. Слишком правильное, чтобы быть человеческим. Высокие скулы, тонкие брови, губы, что казались вырезанными из темного шелка.

Он говорил монотонно, но каждое слово вонзалось мне в сердце ледяной иглой. Я знала это описание. Знакомилась с ним не в летописях, а в леденящих душу воспоминаниях.

— А между бровей у него был знак, как рисуют наложницы в гареме императора. Но там изображен не цветок, а иероглиф, — наконец, завершил свое повествование Вэнь Чжэнь. — Он посмотрел на нее, и мама не могла пошевелиться, не могла крикнуть. Потом он подошел к моей колыбели.

Я перестала дышать.

— Он наклонился надо мной, — шепот Вэнь Чжэня стал едва слышным. — И коснулся моей груди, здесь. — Он прижал ладонь к центру своей грудной клетки. — Матушка ска-

зала, что я не плакал, наоборот, заливисто смеялся. Сначала она решила, что ей показалось, может, приснилось. Но через несколько месяцев появились первые симптомы. Там образовался шрам, в минуты злости и гнева радужка в моих глазах превращалась в черное пятно. Отец призывал бесчисленное количество шаманов, монахов и культиваторов, но все разводили руками. Все говорили об одном — мне не помочь. Все они знали, что это за проклятие. А потом ты запросила свою жизнь в обмен на спасение моей души, хулицзин. Так скажи, Линь Юэ, твои слова правдивы, или обещание пустое?

Он закончил, спрашивая меня.

Наступила тишина, а Суань Кун, Цзян Тан и Лань Чжэ куда-то делись. Только треск костра нарушал наше молчание.

Внутри меня все оборвалось и рухнуло. Высокий. Одежды цвета ночи с шевелящимися тенями. Алый иероглиф между бровей...

Это было описание не просто "высшего демона". Это был портрет одного из самых высших. Их всего трое. Цзюнь Луо, Владыка Западного Неба, правитель Диюя. Цзюнь Янь, Владыка Вечного Пламени, Царь Бурлящих Глубин. И Цзюнь Лань, Владыка Блуждающих Туманов, Князь Обманчивых Путей. Главенствовал, конечно, Цзюнь Луо, но остальные не лучше. Они вечно соперничали и ненавидели друг друга. Самое ужасное, что все трое были моими врагами. Перед тем, как я покинула царство, один из них сказал мне, что вернув-

шись, меня будет ждать бесславная смерть.

Меня вдруг затрясло. Сначала внутренне, будто все кости превратились в тонкий лед, готовый треснуть. Потом дрожь вырвалась наружу: мелкая, неконтролируемая, стучащая.

Я зашагала туда-сюда, по узкому пространству между костром и скалой. Пальцы впились в виски, ногти врезались в кожу, но боли от своих же прикосновений я не ощущала. Я бормотала что-то себе под нос, обрывки фраз:

— Нет, нет, нет... нельзя... он...

Все пространство соединилось в одной точке. Мне стало казаться, что мои враги-преследователи, вскоре выползут из нор, а ведь мы еще так далеко от той глубокой норы.

— Линь Юэ, с тобой все в порядке? — обеспокоенно спросил Вэнь Чжэнь.

Он не говорил, скорее кричал, потому что мое поведение его испугало. На крик генерала прибежали и его сподручные.

На мне отпечатывались их взгляды: вопрошающий Цзянь Тан, подозрительный Суань Кун, яростно-озадаченная Лань Чжэ. И Вэнь Чжэнь. Он больше всего растерялся.

— Да что с тобой происходит?

Я остановилась, с трудом переводя дух. Да, мне следовало объясниться.

— Я не лгала о снятии проклятия. Но сделку... — я глотнула воздух, — сделку лучше аннулировать. Сейчас. Отпусти меня или убей. Теперь это не будет иметь значения.

— Что ты несешь? — степенно реагировал на мою панику

генерал. — Неделю назад ты боролась за жизнь, а теперь готова умереть от одного описания?

— Готова, — закивала я. — Ты убьешь безболезненно и быстро, а тот, кто проклял тебя, будет меня пытаться. Это не духи и не призраки. С ними нельзя договориться. Это смерть... для всех.

Лань Чжэ фыркнула, но в ее фыркание слышалась трещина неуверенности.

— Как удобно, испугалась и хочешь сбежать.

— Я не сбегаяю, дура, — вспыхнула я. — Я пытаюсь вас спасти оттого, что хуже смерти. Я полагала, что это кто-то из Мо, но на тебя заклятие наложил кто-то из высших. А если они взялись за тебя, то имеют под собой какую-то цель. Если я тебя к ним приведу, то и я, и ты, и вся твоя команда погибнем. И погибнем мучительно.

Вэнь Чжэнь поднял руку, прерывая нервный вдох Лань Чжэ. Он шагнул ко мне, и я невольно отпрянула.

— Ты недооцениваешь меня, Линь Юэ, — произнес он степенно. — И переоцениваешь свою способность решать за меня. Договор остается в силе. Но условия меняются.

— Какие условия? — нервно хохотнула я. — Говорю же, смерть от твоих рук предпочтительнее.

Он выпрямился.

— Ты проводишь нас к воротам Диюй. Ты поможешь и объяснишь, как найти этих высших. Этого будет достаточно. После этого будешь свободна. Можешь уйти. Мне не нужен

проводник в самое логово. Мне нужна карта и билет в царство демонов.

— Генерал, нет, — вырвалось у Лань Чжэ. — Она сольет нас при первой же опасности или поведет в ловушку.

— А ты думаешь, с ним рядом будет безопаснее? — огрызнулась я. — Это не призрак из реки, это высший демон. Ему достаточно щелчка пальцев, чтобы вас уничтожить. Что люди могут ему противопоставить?

— Она права, — неожиданно глухо произнес Вэнь Чжэнь. Он смотрел не на меня, а куда-то вверх голов, в темноту. — Это мое проклятие и мой путь. Я не нанимал вас для самоубийственной миссии, чтобы меня спасти. Если вы благодарны, вы повернете обратно у последних врат.

Наступила тишина. Потом Цзян Тан рассмеялся, но непривычно, без присущего ему веселья.

— Оставь пафос, Чжэнь. Мы не уйдем.

— Мы дали клятву, — просто сказал Суань Кун.

Лань Чжэ лишь сжала кулаки, но по ней было件нятно, что своего генерала она не оставит. Ох, дурочка, накрепко влюбилась.

Вэнь Чжэнь поклонился своим друзьям, а после прикрыл веки на мгновение.

— Линь Юэ, ты доведешь нас? Поклянись. Едва мы спустимся в Диюй, я тебя отпущу.

Он требовал невозможное. Внутри меня боролось человеческое и животное. Эти люди собирались идти на верную

смерть. Неужели Вэнь Чжэню так противна природа демонов? Я же пытаюсь объяснить, что у всех существ есть выбор.

— Ладно, — я решила, что не буду останавливать безумцев. — Хотите приключений, вы их получите. В Диюй я укажу дорогу, а потом... — я внимательно изучала лицо генерала, — ты отпустишь меня и забудешь о моем существовании.

— Я клянусь, — бросил он.

— Я тоже клянусь.

Мне хотелось успокоиться и отдалиться от этих сумасшедших. Страх и старые воспоминания все еще охладили мои вены. Я взяла тряпку, сменную одежду, которую нам подарили в деревне и пошла прочь от костра.

— Красавица, ты куда? — спохватился Цзян Тан.

— Купаться, — буркнула я. — Тоже пойдешь? Не бойся, не сбегу. Ваш молчаливый друг наложил же на меня печать, мне далеко не уйти.

Вода обняла меня ледяными объятьями, вышивая на коже мурашки. Я погрузилась глубже, пока темнота реки не скрыла мои слезы ярости и бессилия.

Судьба, ах, эта коварная пряха, сплетает нити жизни так причудливо, что хоть в Нефритовому императору иди жаловаться. Выдернула меня из одного ада, чтобы швырнуть в пасть другого, да еще и с компанией самоубийц.

— Идут на верную смерть, как мотыльки на огонь, — шипела, выдыхая пузырьки воздуха.

Они, эти люди, с их короткой, как жизнь майского жу-

ка, памятью, думают, что Царство Демонов просто еще одна опасная земля. Побьются с парой низших яо, поставят печать, и дело с концом.

Они не понимают, что высшие — это не существа, это силы природы, но со злобным разумом. Они не "отпустят" того, кто осмелился потревожить их покой. Они либо сломают, либо превратят в игрушку, либо растворят душу в вечном холоде своих чертогов. А Вэнь Чжэнь... он для них и вовсе интересный эксперимент. Раз прокляли, то у них была причина.

Я вышла из воды, стуча зубами, и быстро обтерлась грубой тканью. Одежда хоть немного согрела.

Гнев сменился ясной тоской. Я вспомнила огни павильона в ночь праздника Фонарей, где искусно сотканые иллюзии танцевали в воздухе, как живые драконы из шелка и света. Вспомнила библиотеку отца: запах старой бумаги, тихий, мудрый голос, объясняющий устройство миров. Все это было отрезано, как лишний палец. За что? За то, что осмелилась увидеть в человеке не пищу и не врага, а... личность? Ирония была горче полынной настойки.

Когда я возвращалась, уши уловили мое имя.

Мой шаг, от природы бесшумный даже в человеческом обличье, стал еще тише. Я стала тенью, скользящей между стволами сосен.

Они не спали. Костер догорал, отбрасывая длинные, пляшущие тени. Вэнь Чжэнь сидел на своем камне, а напротив

него, вылизывая лапу с видом полного превосходства, восседал Мао Сяо. Картина была настолько нелепой — великий охотник на демонов и облезлый кот-мертвец, что я едва не расхохоталась.

Я замерла в пятне глубокой тени, слившись с ней.

— ...значит, она не врет о пути, — тихо говорил Вэнь Чжэнь.

— Понятия не имею, я там недолго пробыл, — фыркнул маогуй, проводя лапой за ухом. — О пути-то она, может, и не врет. Дорогу в Диюй знает каждый второй дух в этих лесах. Вот только зачем ей туда? Сумасшедшая, что ли?

— Она боится, — голос Вэнь Чжэня звучал задумчиво. — Когда я описал демона, который меня проклял, она была готова насмерть. Будто увидела призрак восьми несчастий. Чего она боится, кот? Ты чувствуешь такое. Говори.

Мао Сяо перестал вылизываться. Его зеленые глазки-щелки сверкнули в огне, оценивающе скользнув по лицу человека.

— Ох, прямой как меч, и тупой как обух, — проворчал он. — Очевидно же, генерал, ей нельзя возвращаться. А если нельзя возвращаться, значит, ее изгнали. Не просто попросили уйти, а вышвырнули с позором, вычеркнули из родовых свитков. Чуешь запах? Не псиной, нет. Запах пепла от сожженных мостов.

Сердце у меня упало куда-то в ледяную пустоту. Мао Сяо, а ты догадливый.

— Изгнали за что? — настаивал Вэнь Чжэнь.

— Спроси что-то полегче, — маогуй томно потянулся, выгибая костлявую спину, — Я с ней знаком столько же, сколько и вы. Если бы я знал, я бы, может, и сказал. За хорошую цену. Курочку тушеную, например. Но я не знаю.

Глава 4. Линь Юэ

На следующий день мы снова пустили в путь. Дорога вела нас все выше, в объятия сизых гор, чьи вершины тонули в облаках.

Байша была сердцем земли горного народа. В сезон дождей, когда небо умывалось и становилось прозрачным, здесь тоже собиралась ярмарка, на которую съезжались со всех долин. Не из-за товаров, хотя и их было вдоволь: диковинные ткани, серебряные подвески, вышивка, в которую мастерицы вплетали не просто нити, а целые истории о драконах и фениксах, но и затем, чтобы полюбоваться видами.

Деревню будто выточили в камне. Чтобы перейти из одного дома в другой, надо было пройти по сложно построенным террасам и маленьким мостам. Всюду были лестницы, а еще перила и ограждения, потому что если оступишься, упадешь, то за твоим телом уже никто не сможет спуститься.

Но какие красоты открывались. Вся долина виднелась, как на ладони. А самые высокие и зоркие могли разглядеть, как горная река впадает в море.

Сейчас же Байша встречала нас молчанием могилы. Атмосфера была такой же, как и в Юаньмэнь.

Окна крепких деревянных домов с их характерными резными фронтонами были заколочены грубыми досками. На каждой двери болтались бумажные талисманы — защитные

знаки от злых духов, но дожди и солнце сделали свое дело: иероглифы расплылись в бессмысленные кляксы, бумага истлела до лохмотьев, шелестящих на ветру, как предсмертный вздох. Краски, которые когда-то полыхали здесь жизнью, поблекли, будто выцветшая старая вышивка, забытая на солнце.

Единственным признаком жизни был старик, выскользнувший из-за угла самой большой, некогда нарядной, а ныне поникшей резиденции.

— Уходите, путники, — прохрипел он, едва увидел нас. — Пока не стемнело. Уходите прочь от Байша.

Да, как это напоминало Юаньмэнь.

Вэнь Чжэнь шагнул вперед.

— Мы ищем проводника и припасы. И готовы помочь, если деревне угрожает беда.

Старик закачался, будто от ветра.

— Проводника не найду, но я староста. А что до беды, так она известна, не только наша деревня страдает от подобных существ. Нашу беду не изгнать молитвами и не зарубить мечом, воин. Это "Каменный Плакальщик". Уже больше года он терзает нас.

— "Каменный плакальщик"? — переспросила я.

Да, фантазия людей богата. Кого они прозвали "Каменным плакальщиком"?

— А своих не узнаешь? Не чувствуешь? — в очередной раз съязвила Лань Чжэ, но как-то без прежней злости. Ее и

саму разбирало любопытство.

— Злой дух, — продолжил староста. — Он не в первый раз у нас появился. Если верить преданиям моего деда, которому все рассказывал его дед, то поселился здесь туманный демоненок давным-давно, а может, был человеком, а его жестоко убили. Вот и вышел на охоту, зачем-то мстит нашей деревне.

— Ты говоришь, он не в первый раз появляется. Значит, — прищурился Вэнь Чжэнь, — он на какое-то время исчезал?

— Ага, тоже, исчезал. Запечатал его монах магической печатью. Убить не смог, но обезвредил.

— А потом? — заинтересовался Суань Кун. — У вас много оберегов висит...

Староста горько кивнул, его взгляд утонул где-то в воспоминаниях, мутных и тяжелых, как вода в заброшенном колоде.

— Висят, путник, висят. И не спасают. Потому что печать-то, главную, сорвали. Год назад, на ту самую ярмарку, что я упоминал, приехали люди. Не наши, с чужими глазами и речами сладкими, как забродившая слива. Любопытные, как сороки. Им тут все было диковинкой: и наши утесы, и наши предания. А больше всего — старая гробница на самой вершине, куда даже козы наши не забираются. Предупреждали мы их всем селом, что место там нечистое, говорили. Просили не ходить. Нет, не послушали.

Он замолчал, сглотнув ком, подступивший к горлу. Ветер шелестел истрепанными талисманами, и этот звук был похож на злобный шепот.

— Пошли, а назад не вернулись. Никто их больше не видел. А через несколько ночей он снова застонал, "Каменный Плакальщик". Значит, печать сломали, сами в его пасть угодили, а нам расплачиваться. С тех пор он снова терзает Байша. То скот утащит, найдем потом только клочья шерсти, да кости, белые, как будто их сто лет вываривали. То человек пропадет. Вышел за порог в сумерках, и будто камень в воду канул. Те, кто встречал его и чудом унес ноги, а такие нашлись, рассказывали страшное. Он не ходит, а прыгает. И руки широко раскидывает, будто хочет обнять. Только объятия те ледяные и мертвые.

Совсем не удивилась, что взгляды Вэнь Чжэня, Лань Чжэ, Суань Куна и Цзян Тана остановились на мне.

Я медленно выдохнула, и мое дыхание вырисовало в холодном воздухе призрачное облачко. Все признаки сошлись. Знаю, кто это.

— Он ведь опасен, — ответила я на немой вопрос генерала. — Меня вряд ли тронет, а вам сложно придется. Станет-ся, не вернешься ни ты, ни твои люди. Все равно пойдешь?

Вэнь Чжэнь чуть наклонил голову вбок.

— Зачем предупреждаешь? Тебе самой удобно будет. Не станет Суань Куна, и печати его силу потеряют.

Нас прервал Цзян Тан.

— Позвольте уточнить, мы сейчас обсуждаем, что мы собираемся за этим "Каменным плакальщиком", и Линь Юэ полагает, что мы не вернемся?

— Ты точно вернешься, — успокоила я его.

— Да? — обрадованно улыбнулся повеса.

— Подобные тебе чаще от яда или ножа обиженной женщины умирают. Статистика неумолима, Цзян Тан, — сложила руки на груди, а потом все-таки снова воззрилась на Вэнь Чжэня, игнорируя кашель Цзян Тана. — Да, мне нечего бояться. И я помогу.

— Так легко согласилась? — изумился он, но с насмешкой. — А где речь о всепрощении, о заботе, о том, что демоны имеют право на жизнь, потому что у них тоже есть душа.

— Не в душе дело, господин, — скопировала я его тон. — Есть духи, что злы, как ободранная змея, но у них есть причина, история, боль. Их можно понять. А есть явления, как камнепад или провал в земле. Они просто существуют, пожирая все на своем пути. Не все твари созданы для соседства с людьми. Да и некоторые люди тоже жить нормально не умеют.

Староста смотрел на наш обмен репликами, и в его глазах смешивались страх, недоумение и слабая надежда. Вэнь Чжэнь повернулся к нему.

— Где эта гробница?

Следуя сбивчивым, пересыпанным суеверными оговорками указаниям старосты, мы покинули деревню и поползли

вверх, по тропе, которую давно уже отвоевала у людей дикая ежевика, да цепкие корни старых сосен.

Шли молча, пока я не устала от напряжения. Пора было их просветить... или напугать. Или и то, и другое.

— Ваш "Каменный Плакальщик" — это цзянши, — сказала я, ломая тишину.

— Цзянши? — переспросил Суань Кун. — Точно он?

— Не встречались раньше? На кого тогда охотились? — возмутилась я. — На слабых приведенных и хулицзин, вроде меня.

— Почти, были еще демоны, которую правду искажают, и сладострастия.

— Помню, помню, — присвистнул Цзян Тан.

— И из-за тебя чуть не погибли, — прошел мимо него Вэнь Чжэнь.

— До смерти будешь мне это напоминать? — обиженно произнес повеса. — Ты нас так-то тоже на смерть ведешь.

Я остановила всю процессию. Уверена, что они прекрасно знают, кто такой цзянши, но предупредить стоило.

— В просторечии "прыгающий труп", — принялась я объяснять. — Но это не труп и не дух, — продолжала я, глядя под ноги, на острые камни. — Это нежить. Пустая оболочка, его создали грубым нарушением погребального обряда, магическим ядом или просто такой сильной ненавистью, что она пережила тело. У него нет души, чтобы его умиливать. Нет разума, чтобы его обмануть. У него только один

инстинкт — пожирать жизненную ци, чтобы хоть как-то согреть свою вечную мерзлоту.

Лань Чжэ шла рядом, сжав рукоять меча.

— Его ведь оружием не убить. Он не чувствует боли. Не знает страха. Его прикосновение парализует, а укус или царапина заражают. Через три дня жертва сама начнет окостеневать и превратится в такого же.

Я удивилась, что воительница так осведомлена.

Цзян Тан охнул, он явно уроки по демонологии прогуливал.

— Веселенький подарочек. И что, у этого чуда природы нет слабых мест?

Я чуть скривила губы.

— Есть. Огонь его сушит изнутри. Звон колокольчиков сбивает его ритм, он теряет ориентацию. Священные реликвии могут оттолкнуть. Но главное, магия печатей.

— Значит, нужна новая печать, — заключил Суань Кун, и я почувствовала, как его мысли уже закрутились, перебирая арсенал известных ему формул.

— Именно. Суань Кун, — я обернулась к нему, — тебе нужно будет заняться их защитой, — указала на людей, стоящих рядом. — Сталь для него, что тростинка для горного потока. А самого цзянши... его лучше мне убить.

Рассуждала я здраво, у меня зубы, когти, силы, умение воплощать иллюзии.

Все шаги смолкли. Даже ветер, казалось, затих, чтобы по-

слушать.

— Тебе? — Лань Чжэ не скрывала недоверия.

— Снимите с меня печать. Я обращусь в лису. Мне и пяти минут не понадобится, чтобы его убить.

Я уставилась на Вэнь Чжэня, надеясь, что его недоверие ко мне будет менее стойким, чем желание защитить себя и друзей.

Как назло, Суань Кун вмешался.

— Не потребуется, — заговорил он, обращаясь к генералу. — У вас будет огонь, у меня печати. Рисковать, снимая ограничения с хулицзин, неразумно.

— Я прислушаюсь к тебе, Кун, — согласился с ним Вэнь Чжэнь.

Вот идиоты. Я закатила глаза так, что, казалось, увидела собственный затылок.

— Как пожелаете, о великие знатоки нежити, — проворчала я, поворачиваясь и продолжая путь. — Только помните одно: ни в коем случае не дайте ему прикоснуться к вам. Ни на секунду. Если уж так вышло, отрубайте конечность без раздумий. Позже будете жалеть об утраченной руке, но хотя бы будете живы, чтобы жалеть.

— Бодрящая рекомендация, — фыркнул Цзян Тан, нервно потирая кисти.

Из моей сумки донесся скрипучий голос:

— А я что, я могу?

— Мао Сяо, я тебе потом объясню, — улыбнулась котику.

— Угнетаете боевой дух, — зашипел он, но спорить не стал.

Тропа становилась все уже. Впереди образовались очертания черной, заброшенной избы. В воздухе витал аромат тления, и на дороге мы иногда натыкались на кости. Судя по размерам, человеческие.

Цзян Тан и Лань Чжэ отворачивались. Вроде воины, а какие нежные создания.

Я ощущала тьму и тревогу. Даже демоны не любят сталкиваться с цзянши. Это существо не принимается ни в каких мирах: ни в человеческом, ни в демоническом.

Последние метры тропы вывели нас на крохотное каменное плато, будто ладонь, раскрытая к пропасти. И на этой ладони, прилепившись к скале, стояла та самая избушка. Вернее, то, что от нее осталось.

Это была не гробница в стиле великих усыпальниц, скорее, келья отшельника или сторожка, сложенная из почерневшего от времени и влаги дерева. Крыша давно сложилась внутрь, как сломанные ребра. Стены покосились, будто устав держать тяжесть этого места. А место и вправду было не для живых.

Воздух звенел от холода — не свежего горного, а промозглого, подвального, пробирающего до костей. Сумерки сгущались не по-осеннему нежно, а стремительно и зловеще, будто сама тьма спешила на зов.

Я бросила взгляд на ворота, вернее, на то, что когда-то

ими было. Массивные створки из черного дерева, испещренные резьбой, теперь висели на одной петле. И прямо по центру, рассекая сложный охранный узор, зиял грубый, рубленый ударом меча шрам. Печать была уничтожена не магией и не временем. Ее тупо разрубили.

Я мысленно представила этих "сорок"-путешественников, о которых поведал староста. Наверняка молодые, самоуверенные ученики какой-нибудь второстепенной секты или искатели приключений. Услышали страшную сказку про "прыгающего мертвеца", фыркнули, решили проверить. Думали, что имеют дело с суевериями темных деревенщин. За свою глупость они заплатили сполна, став первыми жертвами того, кого сами же и выпустили.

— Печать нарушена грубо, — мотнул головой Суань Кун.
— Что за дураки сюда приходили?

Внезапно холод усилился, заставляя зубы стучать. И тогда, еще до того как последний луч солнца скрылся, из черного провала двери раздался звук. Не рык, не крик. Глухой, протяжный стон, будто скрип несмазанных каменных жерновов.

И оно выскочило.

Цзянши.

Даже зная, чего ожидать, я едва сдержала гримасу отвращения. Кожа, обтягивающая кости, отливала мертвенным зелено-серым цветом, как плесень на протухших сливках. Ногти на искривленных пальцах были длинными, загнутыми

и черными, как обгорелые щепки. Лицо... его сложно было назвать лицом. Застывшая маска с впадинами вместо глаз, в которых плавали мутные, молочно-белые пятна. Одежда, некогда простая холщовая роба, истлела до лохмотьев, обнажая суставы, неестественно раздутые, словно наполненные темной, застоявшейся жидкостью.

Цзянши на мгновение замер, но его мгновение гораздо короче нашего, потом присел для прыжка, оттолкнулся и — Стой! — крикнула Лань Чжэ, и из чистой боевой привычки, выхватила меч.

Он прыгнул к ней. Лань Чжэ среагировала, позабыв о том, что я предупреждала... Ее клинок описал короткую дугу и вонзился цзянши в грудь.

И ничего не произошло.

Лезвие вошло в плоть и застряло. Ни крови, ни крика. Цзянши даже не замедлился. Повернул свою безликую голову к девушке, и из развороченного рта, похожего на черную дыру, с шипением вырвалось облако густого, чернильного пара.

Лань Чжэ, не ожидавшая такого кошмара, всхлипнула и побелела. Она замерла, ослепленная ядовитым облаком, не в силах вырвать застрявший меч.

Не то чтобы я хотела так сильно спасти Лань Чжэ, она довольно надо мной поиздевалась, но умирать от когтей цзянши слишком... просто слишком.

Из сумки вытащила тельце Мао Сяо.

— Твой выход, — шепнула я и бросила кота в морду нечисти.

— Линь Юэ, ты предательница-а-аа, — завизжал маогуэй, кувыркаясь в воздухе, но инстинкты сработали.

В последний момент он вытянул все четыре лапы, выпустив длинные, призрачно мерцающие когти, и вцепился цзянши прямо в то место, где должны были быть глаза.

Это помогло. Цзянши, не ожидавший атаки мелкого, яростного и абсолютно нематериального существа, захлебнулся и потерял ориентацию. Он затряс головой, а Мао Сяо, наоборот, вцеплялся еще крепче.

Черный пар рассеялся.

Пришла очередь Суань Куна наступать. Его пальцы заплясали в воздухе, выписывая иероглифы, что светились яростным алым — Печать Огненного Очищения. Символ вспыхнул перед прыгающим трупом, осветив на миг ужасную гримасу.

— Гори! — крикнул культиватор.

Цзянши действительно замер, закорчился, будто его внутренности схватила судорога. Но он не отступил. Он, содрогаясь, словно сквозь густую смолу, прошел сквозь печать. Алое сияние лопнуло, как мыльный пузырь, с жалким шипением. Суань Кун отшатнулся, будто его ударили в грудь. Он побледнел, и на его лбу выступил пот.

Его оттолкнул Вэнь Чжэнь.

От ярости, от близости к этой оскверняющей все нежити,

внутри него что-то сорвалось с цепи. Я увидела, как его глаза вспыхнули алым, кровавым светом. Не отражением огня. Изнутри. Его меч, простой стальной клинок, свистнул в воздухе с такой силой, с какой не рубил никогда.

Удар пришелся по вытянутой руке цзянши.

Раздался не глухой стук, а сухой, четкий хруст, будто переломили сухую ветку старого дерева. Рука отлетела в сторону, извиваясь на камнях своими черными когтями.

Все ахнули, включая меня. Не от ужаса перед мертвецом, а от ужаса перед своим командиром. Их взгляды прилипли к его глазам, где уже гас тот жуткий алый отблеск.

А проклятие сильнее над ним давит, чем я думала.

Сам Вэнь Чжэнь замер, тяжело дыша. Он смотрел на свой меч, потом на извивающуюся конечность. В его позе читался шок. Мне стало понятно, что вслед за шоком в нем накатывает новое чувство. Сладкий прилив мощи, жажда ударить снова, сильнее, разрушить.

Цзянши, лишенный одной конечности, лишь на миг замедлился. Боль-то он не ощущал. Он прыгнул, отталкиваясь одной рукой, на Вэнь Чжэня. Генерал, еще пьяный от вспышки собственной тьмы, отступил, парируя тычок второй руки клинком. Но он отступал к скале. Сам себя загнал в тупик.

В глазах Вэнь Чжэня бушевала борьба: человеческая воля против пробудившегося инстинкта разрушения. Он отбивался, но это было издыхание загнанного зверя, а не тактика воина. Еще мгновение — и мертвые пальцы вцепятся в его

доспехи.

— Суань Кун,ними печати,сейчас же! — закричала я, и голос мой сорвался на визгливый лисовый вопль.

Культиватор встретился со мной взглядом. И, к моему удивлению, не спорил. Он щелкнул пальцами в направлении моей груди.

Цепи, что ранее держали меня, рассыпались в прах.

Больше не надо было сдерживаться.

Мир вспыхнул красками, запахами, звуками, приглушенными раньше. Кость хрустнула, сухожилия натянулись, шерсть встала дыбом. Я рухнула на четвереньки, и в следующее мгновение на камнях уже стояла не девушка, а большая, гибкая лиса с рыжей шерстью и янтарными глазами. Девять хвостов вздыбились.

Цзянши, почуяв более сильную, живую ци, на мгновение отвлекся от Вэнь Чжэня.

Этого мгновения хватило.

Я материализовалась рядом с ним. Мои когти вспороли ему спину. Я планировала разорвать его на части, и так выгадать время. Вцепилась зубами в его шею, чувствуя на языке вкус гнили и старой земли, потянула... Сухая, тугая плоть поддалась с мерзким хрустом.

Завершив эту мерзкую задачу, снова обернулась девушкой. Тут же закашлялась, до сих пор чувствуя на языке смрадный привкус.

— Печать, Суань Кун. Не на лоб — на останки. Он себе-

рется, если оставить. Печать, и немедленно.

Культиватор, все еще в шоке, кивнул и, шатаясь, начал рисовать новые иероглифы на клочке рисовой бумаги.

А я обернулась к Вэнь Чжэню.

Он стоял на коленях, опираясь на меч, и его трясло мелкой дрожью. Цзян Та и Лань Чжэ застыли, боясь подойти поближе.

А ведь ему было плохо. В пылу своего гнева он чуть больше впустил в себя тьму. Да так, что даже оружие стало продолжением его ладони. Он смог разрубить руку цзянши. До этих пор я полагала, что такое невозможно.

Вэнь Чжэнь буквально попрал законы природы, но сейчас расплачивался за свою мощь. Если он не справится в этот момент, то проклятие поглотит его целиком. Он станет демоном не через время, а прямо сейчас.

Прямо сейчас?

Вот уж нет. Потом этот мужчина меня точно не отпустит. Я слишком хорошо знаю высших демонов, Вэнь Чжэнь обидится из-за нарушения его планов и явно прикончит меня.

Больше я не думала. Упала на колени рядом и прижала ладонь к его пылающему лбу.

— Сегодня, господин Вэнь, — прошептала я, — ты в Диюй не уйдешь. Но помни мою помощь. Теперь ты будешь мне обязан.

Я закрыла глаза и погрузилась внутрь себя, туда, где бился холодный, ясный источник моей лисьей ци. И направила

тонкую струйку этой прохлады ему навстречу.

Надо было забрать себе немножечко тьмы, чтобы он смог сам бороться с ней.

Внутри него бушевала буря. Черная, липкая, ядовитая энергия пыталась выжечь из него все светлое. Она сжигала его изнутри. Без моего предупреждения она бы скоро вырвалась наружу, и тогда Вэнь Чжэнь стал бы тем, с чем сам клялся бороться.

Моя ци, как ледяная вода, вплеснулась в этот омут. Отсекала крошечную, почти неосязаемую частичку той чужеродной ярости, успокаивала ее, делала инертной... и втягивала в себя. В меня.

Это было как глоток раскаленного пепла. Я сдержала стон, чувствуя, как внутри меня поселяется крошечное пятно леденящего жара. Капля его проклятия теперь была моей.

Его дрожь стала слабее. Дыхание выровнялось. Алый отсвет в глазах погас, оставив лишь глубокую, измученную темноту. Он поднял на меня взгляд — мутный, невидящий, полный вопроса и стыда.

Я резко одернула руку, словно обожглась. Вскочила на ноги, отходя прочь.

Не дав никому опомниться, я снова обернулась лисой. Схватила в зубы уже запечатанный свиток и куль с отвратительными останками, прыгнула в сторону от тропы, в густые заросли карликовых сосен. Я бежала, пока не нашла на самом краю обрыва место с мягкой землей. Там, под воющий

ветер, я вырыла когтями глубокую яму, сбросила туда то, что осталось от цзянши, и засыпала, утрамбовав лапами. Пусть лежит и не отсвечивает.

Когда я вернулась, уже в человеческом облике, Суань Кун первым бросился ко мне.

— Куда ты ушла? Куда отнесла останки?

— На край обрыва, человек туда не доберется, и цзянши больше не возродится, — ответила отрешенно. — А что с господином? — повернулась на генерала.

Вэнь Чжэнь сидел и медитировал. Выглядел он лучше, чем сразу после битвы.

Мы долго друг на друга смотрели. Уверена, он чувствовал мое вмешательство. Может, хотел объяснений.

— С ним все в порядке. — Обронил культиватор. — А ты не двигайся, наложу новые оковы.

Прежде чем я успела возразить, за меня вступился генерал.

— Нет, Суань Кун, больше этого не потребуется.

Большого он не добавил, и никто не стал спрашивать.

Вернулись мы в Байша под покровом уже густой ночи, с видом, достойным свиты повелителя демонов, а не героев-освободителей. Все в грязи, копоти и бурых пятнах — к счастью, не все было заляпано кровью цзянши.

У Лань Чжэ со вскрытой ладони сочилось, у Цзян Тана царапина на щеке темнела, а я... я просто была перепачкана землей. Только Вэнь Чжэнь и Суань Кун держались относи-

тельно опрятно, если не считать смертельной усталости на их лицах. Я проверила всех, к счастью, удостоверилась в том, что порождение злых сил ничем опасным их не заразило.

Староста, выглянувший на скрип ворот, увидел нас и замер, будто перед ним встали призраки. Его старческие глаза расширились, в них мелькнул суеверный ужас, а потом немое, почти истеричное изумление.

— Живы? — прохрипел он, не веря своим глазам. — Все... живые?

— Цзянши уничтожен, — без лишних церемоний бросил Вэнь Чжэнь. — Останки запечатаны и захоронены в таком месте, куда не ступит нога человека. Даже если новые сороки прилетят и захотят поиграть с печатями, они ничего не найдут.

Староста молчал секунду, две, а потом по его морщинистому лицу покатались слезы.

— Подождите, подождите, — выдохнул он, вытирая лицо рукавом. — Сейчас... сейчас соберу народ. Весь скот, что остался, весь запас — все на стол. Пир на весь мир.

— Нет, это лишнее. — Вэнь Чжэнь поднял руку. — Мы уйдем на рассвете. Нам не нужен пир.

— Не нужен? — скривился вопросительно Цзян Тан.

Но староста уже преобразился. Из согнутого старика он будто выпрямился в того самого главу большой деревни, каким, наверное, был когда-то.

— Нет уж, доблестные воины, — воскликнул он. — Вы

не можете просто уйти, убив чудовище. Вы вернули Байша жизнь. Солнце снова взойдет над нашими террасами без страха. Оставайтесь хоть на пару дней, отдохните, залечите раны. А завтра... завтра у нас и вправду великий день — праздник Благодарения Предкам. Как раз время вознести хвалу и живым героям. Не лишайте старика возможности отблагодарить вас.

Он говорил так пылко, с такой искренней, почти отчаянной благодарностью, что даже Вэнь Чжэнь отступил под напором этой человеческой простоты.

А еще генерал устал, как и другие. Идти сейчас, значит, свалиться с ног на первой же тропе.

— Хорошо, — кивнул мужчина, — но на два дня. Вынужден предупредить, с нами есть... маленький лесной демон. Маогуй. Он помог нам в битве. Пусть ваши люди не боятся его и не пытаются прогнать. Он не причинит вреда.

Я не ожидала. Он рассказал о Мао Сяо, признал его помощь. Получается, кот может свободно жить и находиться с ними?

Староста лишь махнул рукой, словно речь шла о барсуке или дикой кошке.

— После цзянши любое иное существо кажется милым соседом. Пусть идет, ест, что хочет. Все, что угодно.

Мао Сяо, услышав это из моей сумки, издал довольное урчание:

— Вот это я понимаю, гостеприимство. Наконец-то люди

с правильными приоритетами.

Нас расселили в самом большом, пустовавшем доме. Меня, по иронии судьбы или чьей-то тонкой насмешке, определили в одну комнату с Лань Чжэ. Комната была чистой, просто обставленной, с двумя низкими лежанками, разделенными ширмой.

Мы молча разделись, скинув окровавленные и испачканные одежды. Лань Чжэ, скрипя зубами от боли, перевязывала свою обожженную ладонь свежими бинтами, которые оставили на столе.

— Тебе помочь? — предложила я, заранее зная ответ.

— Справлюсь сама, демон... — вдруг она поперхнулась и не закончила свое оскорбление. Отводя глаза, глядя на стену, она прошептала:— Спасибо.

Я перестала вытирать лицо мокрым полотенцем.

— За что? За то, что бросила в тебя кота? — поинтересовалась я, нарочито легкомысленно.

— За то, что... оттолкнула меня тогда. И за то, что помогла ему, — она так и не назвала Вэнь Чжэня по имени или титулу. — Я видела, что с ним происходило. Без тебя он бы не справился.

В ее словах не было тепла. Была горечь, смирение и тяжесть долга. Поблагодарить демона — для нее это было все равно что проглотить горькое лекарство. Но она проглотила.

Я пожала плечами, хотя она этого не видела.

— Твою благодарность принимаю. Что до вашего госпо-

дина, он ответит за себя сам.

Лань Чжэ хмыкнула, но больше не делала попыток поговорить со мной. Через некоторое время легла на свою лежанку и отвернулась к стене, но по напряженности ее спины я поняла — сон к ней не идет.

А я подошла к узкому окошку, отодвинула ставню. Внизу, на площади, уже суетились, зажигали факелы, выносили столы. Близился рассвет. Звуки начинающегося праздника долетали сюда приглушенными.

На меня медленно снизошло озарение.

Бездна, почему я до сих пор здесь?

Печати на мне нет, мужчины устали, да и Лань Чжэ не сможет меня догнать, обратиться я в лисицу. Я могу раствориться в лесу, как дым, и бежать. Бежать куда глаза глядят.

Могу, но отчего-то не хочу.

Вэнь Чжэнь планировал меня убить, но пожалел, пусть и после моей мольбы и обещания. Теперь он разрешил не сковывать меня. Доверяет?

А я? Я осознала лишь одно. Познакомившись с ним и его командой, я почему-то прониклась жалостью к генералу. Проклятие он получил незаслуженно. А еще у меня есть шанс показать и объяснить, что не каждый демон должен умереть. Да, поэтому я остаюсь, поэтому хочу помочь. В конце концов, провести через врата Диюя не так страшно. Я их туда отведу, а после сразу покину преисподнюю.

В эти часы Лань Чжэ не заснула, уж не знаю, что ее тре-

вожило. Мне тоже сон не пришел. Вэнь Чжэнь и остальные не тащат меня на смерть, просто ищут проводника, но сами и не догадываются, что из Диюя живыми вернуться сложнее, чем мертвыми.

Глава 5. Вэнь Чжэнь

Дверь за Цзян Таном захлопнулась с легким стуком. Напоследок он сверкнул улыбкой, исчез в сумраке улиц, чтобы, как он выразился: "Освежить голову и собрать слухи". Вэнь Чжэнь и Суань Кун прекрасно знали, что остаток ночи он проведет, очаровывая местных девушек томными комплиментами и историями о подвигах, а утро — выведывая шепотом все, что деревня знала об окрестных тропах и дурных знаменьях. Они его не останавливали.

Вэнь Чжэнь сбросил на грубую скамью свой поврежденный доспех, и металл устало звякнул. Остались они вдвоем с Суань Куном.

Культиватор не разделся. Он стоял у узкого окна, за которым уже розовел край неба, предвещая рассвет.

Вэнь Чжэнь почувствовал, что взгляд друга потяжелел, и что между ними образовалась незримая пропасть. Впрочем, и причины он знал, но не стремился первым навязываться.

Тишина густела. Наконец, культиватор не выдержал: — Ты позволил ей остаться без печатей, — произнес с вызовом Суань Кун.

Вэнь Чжэнь медленно выпрямился, растирая онемевшее запястье. В месте, где пульсировала тьма, теперь было лишь глухое, давящее воспоминание.

— Она это заслужила, — ответил он.

— Заслужила? — Суань Кун отвернулся от окна. — Она — хулицзин. Дыхание ее обман, шаг — уловка. Печати были не наказанием, господин. Это необходимость. Как поводок для дикого зверя, которого ведут через людное место.

— Только этот "зверь" вытащил нашу Лань Чжэ из водяной могилы, — парировал Вэнь Чжэнь, ощущая досаду, что нужно объяснять свои решения. Что знакомый, острый гнев начинает подниматься из глубины, оттуда, где притаилась тень. Он сжал кулаки, заставляя себя успокоиться. — Этот "зверь" вылечил целую деревню, где мы были бы бессильны, ведь в жизни бы не догадались о дурмане. А ночью, — Он сделал паузу, снова ощущая на ладони призрачное тепло ее прикосновения к своему лбу. — Ночью, Кун, она спасла меня от того, чтобы я сам не стал тем, на кого охочусь. И она уничтожила цзянши там, где наши мечи и твои печати оказались бесполезны. Разве этого недостаточно?

— Она демон, Чжэнь, — цедил сквозь зубы праведник. — Хулицзин, демон обольщения. Она уже очаровала тебя так, что ты ее защищаешь.

Вэнь Чжэнь отвернулся, подошел к глиняному кувшину с водой. Налил, выпил. Вода была прохладной и пресной.

Он не был согласен с Суань Куном. Может Линь Юэ и сведуща во флирте, но с ним она в таком не тренировалась. Как правило, наоборот, от него она старалась держаться подальше, найдя себе маогую.

— Она ведь может уйти, — сказал генерал, глядя на круги на поверхности воды. — Печатей нет. Ты освободил ее в бою. Я не велел накладывать новые. Дверь не заперта. Что мешает ей раствориться в ночи, как туман?

— Страх, что мы найдем другого проводника? Надежда получить больше? Игра? Кто знает, что творится в голове у древнего духа, принявшего облик девушки? — Суань Кун сделал шаг вперед. — Мой учитель, преподобный Цинь, говорил: "Трава, не вырванная с корнем, прорастет вновь. Демон, не добитый сегодня, завтра вернется с новой хитростью". Ты забываешь основы, Вэнь Чжэнь. Ты позволяешь ей пустить корни в нашей команде.

— А что, если учитель твой был не прав? — тихо спросил Вэнь Чжэнь, и сам удивился своей дерзости.

Суань Кун посмотрел на него так, будто увидел призрака.

— Что?

— Он говорил о природе. Но природа — не приговор. Дерево, растущее криво, можно попытаться выпрямить. Река, несущая ил, может орошать поля. Ты сам видел, она не причиняла зла. Она помогала. Даже нам. Где же тут неумолимая природа демона, о которой ты твердишь? Да и какая выгода ей нам помогать. Маогуй сказал, что ее изгнали, она сознание потеряла, сообразив, какие силы меня прокляли.

Суань Кун молчал. Его пальцы произвольно сжали край простой холщовой сумки, где лежали свитки с печатями.

— Ты веришь ей, — разочарованно проговорил он. —

Она же врет также, как и дышит.

— Я верю своим глазам, — поправил Вэнь Чжэнь. — И я верю в долг чести. Сегодня на краю той пропасти... внутри меня... — Он с трудом подбирал слова, пытаясь описать неопишуемое. — Это было похоже на пожар в запертой комнате. Я горел, а дышать было нечем. И тогда пришел сквозняк. Холодный, чистый. Он не потушил огонь, но дал глоток воздуха. Она взяла часть этой гнили... на себя. Я почувствовал это. Ты думаешь, это было в ее интересах?

Он видел, как слова бьют, как камни, в непоколебимую стену убеждений Суань Куна. Видел, как в глазах культиватора борются укоренившаяся ярость, долг и что-то еще... сомнение? Боль?

— Я никогда не доверюсь демонам, Чжэнь. — Мотнул головой собеседник. — Я много раз тебе рассказывал про свою младшую сестру. Как она по доброте подобрала ласточку. А после выяснилось, что это демон-оборотень, высосавший из нее жизнь. Тот демон тоже казался безобидным. Он тоже благодарно чирикал и ел с ее руки.

Вэнь Чжэнь помнил эту историю. Как он мог забыть боль своего побратима? Но и слова хулицзин все-таки запали в душу. Он не мог отрицать, что и среди людей есть преступники, бандиты, убийцы. Их ведь тоже никто не заставлял ступить на подобный путь.

— Я понимаю твою боль, Суань Кун. Понимаю твой страх. Поэтому я даю тебе и ей выбор. Завтра, если к утру она оста-

нется, мы продолжим путь с ней и будем учиться ей доверять. Если ее не окажется, — Вэнь Чжэнь вздохнул — значит, ты был прав. Я отыщу нового провожатого в Диюй, а повстречавшись с этой хулицзин, больше не буду медлить.

Суань Кун прищурился. А потом, не сказав больше ни слова, развернулся, отошел в дальний угол комнаты, сел на циновку и погрузился в медитацию, отгородившись от мира и от своего командира стеной ледяного молчания.

Вэнь Чжэнь остался у стола. Усталость, конечно, валила с ног, но сон бежал от него, как от огня.

Едва генерал прикрывал глаза, как снова видел ее. Лисицу. Не в схватке с цзянши, что было бы объяснимо, а в тот момент, когда они вернулись в деревню. Или когда она ухаживала за заболевшими, или когда дремала во время привала, положив руку на уродливого кота.

Вэнь Чжэнь раньше встречал хулицзин, но они были не такими, как Линь Юэ. Их вина была неоспорима. Те демоницы и демоны действительно похищали людей, чтобы поживиться печенкой. Линь Юэ же будто любила людей. Она очень терпеливо общалась со стариками и детьми, выхаживала больных, а еще настойчиво отговаривала его самого от поспешных действий.

Признаться честно, когда призрака в реке они не уничтожили, а просто отпустили, Вэнь Чжэню стало легче. Призраки же не всегда злые люди.

Да, Линь Юэ его поражала. Тонкая, как стебель бамбука

после зимы, и на удивление прочная. Терпела все насмешки и издевательства от Лань Чжэ, изредко огрызаясь.

Она умела быть разной. Могла флиртовать с Цзян Таном, играя в наивную пленницу. А могла стоять перед древним Шуйгуем с открытым сердцем, говорить с призраком на его языке — языке тоски и потери. И могла... превратиться.

Образ девятихвостой лисы вспыхнул в памяти ослепительно. Не монстра, а существа потусторонней, дикой красоты. мех, отливавший медью и пламенем в свете печатей. Девять хвостов, каждый из которых был оружием и символом невероятной, накопленной за долгую жизнь силы.

"Маогуй сказал, ее изгнали из Диюя... За что?" — пронеслось в голове.

Мысль была странной. Могла ли демоница иметь принципы, которые шли вразрез с ее родным миром?

Он встал, подошел к окну, на которое раньше смотрел Суань Кун. На площади внизу зажигали первые фонари, слышался смех, звон посуды. Деревня возвращалась к жизни. И в этом возвращении была и ее заслуга.

"Она права, — подумал он с горькой усмешкой. — Нельзя все валить на демонов. Иногда корень зла — в человеческой жадности или глупости. А иногда... иногда помощь приходит оттуда, откуда ее совсем не ждешь."

Он поймал себя на том, что ждет утра. Кем она окажется? Беглянкой, использовавшей свою возможность? Или...

Сон, если это можно было так назвать, был беспокойным

и прерывистым. Вэнь Чжэнь проваливался в черноту, где пульсировал алый свет его же глаз, а выныривал от звука собственного сердца, стучавшего тревогой в утренней тишине. Он не слышал, как вернулся Цзян Тан, но на соседней циновке тот уже лежал, укрывшись плащом и безмятежно посапывая. Суань Кун в своем углу не двигался, застыв в позе медитации.

Когда за окном окончательно рассвело, и с улицы потянулись запахи дымка и жареного мяса, в дверь постучали. На пороге стоял староста, которого звали Мао Цзюнь. Лицо его, испещренное морщинами, как высохшее русло реки, сияло непривычной улыбкой.

— Доблестные гости, — воскликнул он, сложив руки в почтительном жесте. — Наш скромный пир готов. Весь Байша ждет, чтобы поднять чашу за своих избавителей. Прошу, удостоьте нас чести вашего присутствия.

Вэнь Чжэнь кивнул, отбрасывая остатки тяжести в конечностях. Он оглядел комнату.

— Где Лань Чжэ и хули... Линь Юэ?

Мао Цзюнь махнул рукой, и его глаза смешливо прищурились.

— Ах, не беспокойтесь, господин генерал! Наши женщины забрали их, едва те проснулись. "Негоже таким прекрасным гостям являться на праздник в дорожной пыли и крови", — сказали. Обряжают, наряжают, как невест перед свадьбой. Все по нашему обычаю. Придут, придут, не сомне-

вайтесь.

Суань Кун, молча вставший и собравший свои вещи, лишь хмыкнул, выражая скептицизм по поводу всего этого "обычая". Цзян Тан, напротив, встрепенулся, как ворон, слышавший звон монет.

— Наряжают, говорите? Ну, это зрелище, которое я не пропущу ни за какие сокровища.

Центральная площадь Байша преобразилась до неузнаваемости. Казалось, деревня, год сжимавшаяся от страха, теперь выдохнула всю накопленную радость одним могучим порывом. Вместо призрачной тишины стоял оглушительный гул голосов, смеха, звона посуды и треска поленьев в нескольких огромных кострах. Воздух был густ и сладок от ароматов: дымного, вязкого запаха свинины, зажариваемой на вертелах до хрустящей, янтарной корочки; пряного аромата баранины, тушенной с горными травами; сладковатого пара паровых лепешек и терпкого вина.

Стол, сбитый из грубых досок, ломился от угощений: глиняные миски с яркими соленьями, дымящиеся горячие похлебки с грибами, плоски с рисом, посыпанным кунжутом.

Люди, одетые в свои лучшие, хоть и поношенные, наряды, казались другими. Женщины в алых кофтах с вышитыми узорами "счастье" и "долголетие", с серебряными шпильками в волосах. Мужчины в темных куртках, подпоясанные красными кушаками — цветом отваги и радости.

Мао Цзюнь с горделивой важностью проводил их к главному столу, где уже сидели старейшины. Все встали, кланяясь, и гул на мгновение стих, сменившись почтительным шепотом. Вэнь Чжэнь чувствовал себя неловко. Он привык к уважению, но не к такому простому, идущему от самого сердца, лишенному придворной лести.

Староста поднял переполненную вином пиалу. Его голос окреп и зазвучал на всю площадь:

— Добрые люди Байша! Поднимите чаши! Сегодня мы пьем не только за милость предков и духов гор. Сегодня мы пьем за тех, кто пришел из-за хребтов, как весенний ветер, разгоняющий зимний морок. За воинов, что вырвали клыки у ночи и вернули нам солнце над порогом. Да будут их пути светлы, а удача верной спутницей.

Толпа ответила гулким одобрением. Вэнь Чжэнь, Суань Кун и Цзян Тан тоже подняли свои пиалы. В этот самый момент на краю площади возникло движение, и гул сменился восхищенным аханьем.

Из-за угла самого большого дома вышла группа женщин, а в центре них — двое.

Лань Чжэ шла первой, и ее походка выдавала всю ее неловкость. На ней было праздничное платье из узорчатого алого шелка, перехваченное в талии широким поясом с вышитыми золотыми рыбами — символом изобилия. Рукава, слишком широкие для ее привычки, мешали движениям. Волосы, обычно собранные в тугой воинский пучок, были

уложены в сложную прическу, украшенную цветами жасмина и тонкой нитью. Она была прекрасна, но в ее осанке, в сжатых кулаках, в слишком прямом взгляде читалась та же боевая готовность. Казалось, под шелком скрываются доспехи, а в прическе — спрятанные шпильки-кинжалы.

— Боги, — тихо произнес Цзян Тан, присвистнув. — Наша Лань Чжэ... похожа на богиню войны, которую нарядили для чайной церемонии. Великолепно и ужасно одновременно. Готов поспорить, что и одна палочка благовоний не догорит, как она уйдет переодеться.

— Она выглядит достойно, — оборвал его Суань Кун. — Принимаю вызов. Досидит до конца праздника.

Вэнь Чжэнь просто кивнул, его взгляд скользнул по Лань Чжэ и тут же, будто притянутой невидимой нитью, устремился к той, что шла следом. За Линь Юэ.

На ней не было сложных узоров или ярких цветов. Ее наряд был простым платьем ханьфу из ткани цвета небесной лазури. Волосы, чернее ночи, не были убраны в сложную прическу. Они свободно ниспадали волной по спине, и лишь несколько прядей были заплетены в тонкие косы с вплетенными крошечными серебряными бубенцами, звон которых был едва слышен под шум толпы.

Но дело было не в одежде. Дело было в том, как она это носила.

В ее походке не было ни капли неловкости Лань Чжэ. Была та самая, неуловимая, лисья грация — плавная, безмя-

тежная, словно она не шагала по земле, а скользила над ней. Простой наряд лишь подчеркивал эту неестественную, потустороннюю красоту. Она не пыталась скрыться или опустить взгляд. Напротив, всех изучала, всем непринужденно улыбалась.

— Неужели... это наша лисичка? — не удержался от очередного присвиста Цзян Тан, и в его голосе прозвучало неподдельное изумление, граничащее с восторгом.

Вэнь Чжэнь ничего не ответил. Внутри него что-то екнуло, холодной и острой иглой. Это была не та ярость, что рождалась от проклятия. Это было что-то новое, тугой и неприятный комок под сердцем. Он видел, как мужчины за соседними столами замирали, провожая Линь Юэ взглядами, полными немого восхищения.

Их усадили за отдельный, почетный стол, немного в стороне от шумного центра.

Линь Юэ села с той же естественностью, будто всегда здесь пиновала. Она охотно отвечала на вопросы женщин, принесших им еды, ее смех иногда прорывался сквозь общий гул.

Заиграли музыканты. Несколько пар вышли в центр, чтобы начать танец. И тут одна из пожилых женщин, с огоньком в глазах, что-то сказала Линь Юэ, указывая на круг. Линь Юэ улыбнулась, отрицательно покачала головой, но женщины настаивали, уже подхватывая ее под руки со смехом.

И она встала, и пошла танцевать.

— Я на минуту, — отозвался Цзян Тан, сбегая со своего места и присоединяясь к Линь Юэ.

Вэнь Чжэнь не мог оторвать от нее взгляда. Ком под сердцем сжался еще туже, превратившись в тяжелый, горячий камень.

Он догадался, что за чувство его преследует. Это была ревность. Дикая, иррациональная, унижительная. Он ревновал не к конкретному мужчине, уж те более не к Цзян Тану. Он ревновал ко всем, к этим восхищенным взглядам, к этому общему веселью, в котором ему, проклятому генералу, носителю тьмы, не было места. И в этот момент, под вой флейты и смех толпы, до него наконец дошло, прорвалось сквозь завесу долга, ненависти и страха. Простое и ужасающее осознание. Она ему нравится.

Праздник, как разлившаяся река, катился своим шумным, неостановимым потоком. Вэнь Чжэнь стоял среди этого ликования, как скала посреди бурного потока — неподвижный, холодный и совершенно чужой. Его взгляд против воли снова и снова находил в толпе лазурное пятно, мелькавшее среди более темных одежд. Он видел, как Линь Юэ, уже вернувшись с танцев, что-то оживленно рассказывала кругу старейшин, и те слушали ее, раскрыв рты, словно она вещала мудрость древних духов. Видел, как она, смеясь, отшатнулась от чересчур развеселившегося молодого пастуха, и этот смех, звонкий и свободный, как падение горного ручья, резал ему слух.

"Это в ее природе", — сухо напомнил он себе. — Хулицзин — дух обольщения".

Что удивительного в том, что она расцветает среди внимания, как ядовитый, но прекрасный цветок мандрагоры под луной? Но рациональное понимание не смягчало той едкой, металлической горечи, что поднималась у него в горле. Ему было неприятно. Неприятно до острой, почти физической тошноты.

Он больше не мог этого выносить. Резко развернувшись, он взял с края стола свою нетронутую пиалу и, не глядя ни на кого, направился прочь с площади, в сторону узких, темных улочек, поднимавшихся в гору. Шум праздника быстро остался позади, сменившись тишиной, нарушаемой лишь шелестом ночного ветра в кронах старых сосен.

На краю деревни, у самого обрыва, находилась маленькая, открытая терраса, выложенная грубым камнем. Отсюда открывался вид на темную бездну ущелья и серебряную нить реки внизу. Место было пустынным — все были на пиру. Вэнь Чжэнь прислонился к низкой ограде, чувствуя, как холод камня проникает сквозь тонкую ткань рубахи. Он поднес пиалу к губам и сделал долгий глоток. Вино было кислым и терпким.

Шаги, тихие, но уверенные, донеслись сзади. Он не обернулся. Узнал походку.

Лань Чжэ остановилась рядом. Она сбросила неудобные праздничные туфли и стояла босая на холодном камне, все

еще в том алом шелке, который делал ее одновременно прекрасной и чужой. Луна освещала ее профиль, подчеркивая высокие скулы и плотно сжатые губы.

— Тебе не по нраву праздник, господин? — спросила она.

— Шум мешает думать, — отрезал он, глядя в пропасть.

— О чем думать? О нашем дальнейшем пути? Или о... проводнице?

Вэнь Чжэнь медленно повернул к ней голову. Ее лицо было непроницаемо, но в глазах, обычно таких ясных и прямых, бушевала целая буря — обида, ревность, горечь.

— Ты что-то хочешь сказать, Лань Чжэ?

Она выдержала его взгляд, подняв подбородок.

— Я хочу сказать, что ты смотришь на нее, как никогда не смотрел на... — она запнулась, сглотнув, — ...на своих воинов.

— Линь Юэ — не воин. Она хулицзин. Сложная и опасная, но пока полезная, — произнес он, отворачиваясь, чтобы скрыть фальшь в собственных словах.

— Хулицзин? — Лань Чжэ фальшиво засмеялась. — За ними не смотрят так, будто проглотили лунный свет и теперь не могут найти ему места внутри.

Терпение Вэнь Чжэня, и без того висевшее на волоске, лопнуло. Он повернулся к ней всем корпусом, и его фигура в лунном свете вдруг показалась огромной и подавляющей.

— Ты забываешь свое место, Лань Чжэ, — прозвучало ледяным шепотом. — Ты была моим генералом, но не хра-

нительницей моей добродетели и не соглядатаем за моими взглядами. Я ценю твою преданность. Но я не потерплю упреков. Особенно таких.

Ее лицо исказилось от боли, словно он ударил ее не словом, а кулаком.

— Мое место? — ее голос сорвался, в нем впервые зазвучали сдавленные, горькие слезы ярости. — Мое место все эти годы было рядом с тобой! Когда ты, наследник рода Вэнь, надел доспехи не для парадов, а чтобы сдирать шкуры с демонов, я была с тобой. Когда ты, проклятый, отвернулся от двора и от отца, чтобы не стать всем обузой и позором, я первая ушла за тобой в эту безумную охоту. Я отдала тебе свою клятву, свой меч и... — она сделала резкий, прерывистый вздох, — ...и все остальное. А мое место теперь — молчать и смотреть, как ты позволяешь ядовитому плющу оплести свою решимость? Как ты смотришь на эту... эту тварь, которая через год, если не убьет тебя сама, будет пировать на наших костях?!

— Хватит! — его рычание перекрыл ее голос, эхом раскатившись по террасе. В его глазах вспыхнула знакомая алая искра, и он с усилием погасил ее, чувствуя, как тьма в груди отзывается на его ярость. — Ты говоришь как ревнивая женщина, а не как генерал. Если ты устала, Лань Чжэ... если этот путь, моя тьма, мои решения стали для тебя непосильной ношей, скажи. Я пойму. Отпущу тебя с миром и с благодарностью за все годы службы. Даже вознагражу. Но пока

ты под моим началом, твой долг следовать приказам, а не вскрывать мне душу тупым кинжалом своих обид.

Она отшатнулась, будто он и вправду ударил ее. Слезы, наконец, прорвались наружу, скатившись по щекам двумя серебряными дорожками в лунном свете.

Вэнь Чжэню стало стыдно. Он так привык к Лань Чжэ, что просто забыл о том, что она женщина.

— Службы... — прошипела она. — Да, господин. Я всего лишь служу. И мое жалкое место — быть тем, кто будет подставлять плечо, когда ты споткнешься, и принимать удар, когда в тебя метнут нож. А ее место в клетке... или в могиле. Запомни это... хотя бы это.

Она резко развернулась, и алое шелковое платье мелькнуло во тьме, как кровавый след. Через мгновение она растворилась в тени между домами, оставив его одного на холодной террасе с эхом ее слов и кислым вкусом вина во рту.

Вэнь Чжэнь с силой швырнул пиалу через ограду в пропасть. Он только что оттолкнул самого преданного человека в своей жизни. Ради чего? Ради сомнения? Ради призрачной надежды, теплившейся в янтарных глазах демоницы?

Он обхватил руками холодный камень парапета, судорожно вдыхая ночной воздух. Внизу, в деревне, все еще гремела музыка и смех. А у него внутри росла тихая, ледяная пустота, куда больше похожая на предвестие конца, чем любая ярость его проклятия.

Вэнь Чжэнь стоял, вцепившись пальцами в шершавый камень парапета, будто пытаясь удержать от падения в бездну не пиалу, а собственное равновесие. Луна, возвышавшаяся над ним, мерцала бледным светом.

Он вздохнул, а потом услышал чужой вздох за спиной.

— Можно тебя потревожить, господин? — едко проговорила Линь Юэ. — Или ты в гневе и меня швырнешь? Если нужно, я к твоим услугам. Без печатей падение не принесет мне боли.

— Подобралась прямо как лиса, совсем не слышно, — покачал головой генерал. — Хорошо, что не столкнулась с Лань Чжэ. Она бы тебя непременно скинула.

— Не скинула, — переливчато рассмеялась хулицзин. — Задела плечом, обругала, а потом ушла.

— Прости ее, она променяла светскую жизнь на походный лагерь. Моя сестра больше мужчина, хоть и находится в теле женщины.

Лисица наверное улыбнулась. Вэнь Чжэнь боялся оборачиваться. Он не страшился демонов и приведений, стотысячной армии, но вот ухмылка хулицзин его пугала.

— Дело не в ее воспитании, господин, — произнесла медленно Линь Юэ. — Она влюблена и ревнует тебя.

Вэнь Чжэнь сжал челюсти. Горькая усмешка сама собой исказила его губы.

— Ты все слышала?

— Слышала достаточно. Она выглядела так, будто хотела проткнуть меня взглядом, но ей было слишком больно даже для ненависти. — Линь Юэ приблизилась, прислонилась к парапету в паре шагов от него. — Совет на будущее, генерал: нет зверя свирепее, чем женщина, чье сердце растоптали невниманием и пренебрежением. Слова надо подбирать. Даже королек — пташка, если разорить ее гнездо, он способен выклевать глаза спящему тигру.

— Я не просил совета, — буркнул он, но в его голосе не было прежней силы, лишь усталое раздражение.

— А зря. С демонами и призраками ты, я вижу, управляться научился. А с живыми сердцами, как слепой котенок с клубком шелковых ниток: только запутываешься.

Он повернулся к ней. В лунном свете ее лицо казалось вырезанным из фарфора, а карие глаза поглощали серебристый отблеск, превращая его в те самые глубинные янтарные искры.

— И что же мне теперь делать, о мудрая лиса? — в его

тоне прозвучала горечь.

— Извиниться, — воздела она руки. — Не за правду, а за грубость. Не обещаю ей ничего, чего не сможешь дать. Но дай понять, что ее преданность — не пыль у дороги, которую можно отряхнуть с сапог. Что она для тебя важна. Это не сделает ее счастливой, но позволит сохранить лицо и верность. А верный человек ценнее золота.

Он смотрел на нее, на эту демоницу, которая с такой пугающей пронизательностью разбирала человеческие чувства.

Она вздохнула, и ее взгляд стал серьезным, отбросив всю игру.

— А теперь закончим беседу про Лань Чжэ, мне нужно объясниться с тобой.

Вэнь Чжэнь нахмурился.

— В чем?

Она оторвалась от парашюта и сделала шаг к нему, сокращая и без того маленькую дистанцию.

— Я благодарна тебе. Ты начал мне доверять. Не велел снова заковать в печати, не гонишь моего уродливого кота. Для изгнанницы, которая давно не знала ничего, кроме подозрительных взглядов и острого конца меча, это... многое значит. — Она говорила четко, смотря ему прямо в глаза, без обычного кокетства или насмешки. — Поэтому я даю слово. Свое, лисье. Я проведу тебя к воротам Диюя. Но все, что случится с тобой за той чертой — это твой жребий и твоя судьба. Мои когти и хитрости бессильны перед теми, кто правит

тениями. Я лишь укажу дорогу. Понял? Не сбегу, не уйду, хотя очень этого хочу. Ты ведь думал об этом?

Он молча кивнул, не в силах отвести взгляд. Ее близость, ее серьезность действовали на него сильнее любого колдовства.

— Пока мы идем, — продолжила она, — я постараюсь понять, чьих это лап дело. Высших не так много. У каждого свой почерк, своя печать на душе, как оттиск резной печати на воске. И... — она чуть заколебалась, — ...и я попробую помогать тебе. С тем, что внутри. С гневом. Как тогда. Чтобы ты не... не сорвался раньше времени.

Последние слова она произнесла почти шепотом, и в них прозвучала странная забота. Вэнь Чжэнь почувствовал, как что-то сжимается у него в груди. Не тьма. Что-то теплое и колющее одновременно.

— Спасибо, — вырвалось у него, голос охрип от невысказанного. — За тогда. Ты вытащила меня с того края. — Он сделал шаг вперед, теперь они стояли совсем близко, он чувствовал легкое дуновение ее дыхания. — Почему? У тебя же был шанс. Почему не сбежала?

Она отвела взгляд, ее взгляд упал на его грудь, где под тканью скрывался шрам-печать проклятия.

— Не знаю, — тихо призналась она, и в этом признании было больше правды, чем во всех ее хитросплетениях. — Сама не знаю. Может, потому что ты, хоть и упрямый, и слепой, и готовый рубить с плеча... но ты не злой. А я... — она

запнулась, — ...я устала видеть, как хорошее превращается в пепел.

Ее слова, ее уязвимость ударили в него с неожиданной силой. Рациональность, долг, предостережения Суань Куна — все это рухнуло под натиском этого простого "не знаю". Импульс, дикий и необдуманный, толкнул его вперед. Он не схватил ее, но его руки легли на холодный камень парапета по обе стороны от нее, загораживая отход. Он наклонился, сокращая расстояние между их лицами до минимума.

— Линь Юэ, — его голос звучал низко, почти как рычание, но без угрозы. Сдавленно, натужно. — Ты играешь с огнем. Со мной. Ты понимаешь это?

Она не отстранилась. Не испугалась. Ее янтарные глаза в темноте казались огромными. В них читалось понимание, печаль и что-то еще... вызов?

— Я — хулицзин, Вэнь Чжэнь, — прошептала она, и ее губы тронула грустная, кривая улыбка. — Огонь — моя стихия. Я знаю, как он обжигает. Но я же не предлагаю тебе войти в пламя. Я лишь... даю тебе шанс не сгореть в одиночку. Пока мы идем.

Они замерли так, в лунном свете, разделенные сантиметрами невидимой, но прочнейшей стены — его проклятия, ее природы, их обреченного пути. Его дыхание стало частым, он видел, как вздымается грудь под тонкой лазурной тканью. Он хотел... он не знал, чего хотел. Стряхнуть с нее эту маску мудрости? Убедиться, что она реальна? Заставить ее испу-

гаться, отпрянуть, доказав тем самым, что все это — лишь очередная хитрая игра?

Но она не отпрянула. Она выдержала его взгляд, этот немой, яростный допрос. И в ее неподвижности было больше силы, чем в любой угрозе.

Медленно, с усилием, будто отрывая от магнита, он разжал пальцы, впившиеся в камень, и отступил на шаг. Воздух снова хлынул между ними, холодный и отрезвляющий.

— Утром мы идем дальше, — произнес он хрипло, отворачиваясь к пропасти, больше не в силах смотреть на нее. — Будь готова.

— Я всегда готова, — так же тихо ответила она. И через мгновение легкий шелест шагов, почти бесшумный, донесся до него, а затем и стих. Он снова остался один на террасе, но теперь тишина вокруг была иной. Она была наполнена не пустотой, а гулом собственной крови в висках и горьким, сладковатым привкусом невозможного на языке. И осознанием, что отныне его врагов стало на одного меньше, а проблем — несравненно больше.

Глава 6. Линь Юэ

Утром все проснулись с хмельной и больной головой. Учитывая, что человеческое вино меня не пробирало, не заставляло вести себя как-то иначе, мне было очень интересно наблюдать за Вэнь Чжэнем, его подчиненными, да и за всей деревней.

Байша просыпалась, отряхивая с себя остатки ночного веселья, как пьяница стряхивает с себя лепестки хризантемы. Я сидела за медным зеркалом, поправляя макияж, и слушала, как Лань Чжэ, облаченная в свой мужской, практичный ханьфу, молча и с каменным лицом сворачивала вещи.

Ох, она точно сожалела о вчерашнем. Дала себе волю, высказала генералу недовольство, а сейчас ее мучили муки совести и стыда. Вчера мы с ней столкнулись, и она болезненно меня толкнула, но я решила не добавлять ей страданий.

Стыд — страшная вещь. Он жжет изнутри, и чтобы потушить этот пожар, люди часто начинают жечь все вокруг.

На площади царил суета. Сияющий Цзян Тан уже успел всех собрать и теперь размахивал руками, словно заклинатель перед битвой. Увидев нас, он буквально вспорхнул навстречу.

— Проснулись, красавицы. А я тут нашел для нас нефритовую жилу среди грубого камня, — провозгласил он, и его голос звенел от самодовольства.

Вэнь Чжэнь, прислонившийся к стойлу и наблюдавший за упаковкой коней, лишь приподнял бровь. Суань Кун молча проверял снаряжение, но его уши, я видела, наострились.

— Ну, не томи, щегол, — фыркнул Суань Кун, поправляя перекинутую через плечо котомку, из которой торчал серый ушастый комок. — Какую такую жилу?

— Тропу, — выпалил Цзян Тан, гордый как павлин, едва распутивший хвост перед целым выводком самочек. — Старую, горную, "Тропу Призрачного Купца". Она виляет по хребтам, как змея, но выводит прямым к Фугую. В Фугуе — речной порт, там мы возьмем лодку и поплывем вниз по течению, словно лепестки вишни по весеннему ручью. Вместо того чтобы топтать подметки по проезжим дорогам, будем качаться на волнах. И... — он остановился на Вэнь Чжэне, — это сократит путь не меньше, чем на две недели.

Идея, надо признать, звучала заманчиво. Две недели — не шутка. Но прежде чем Вэнь Чжэнь успел открыть рот, из-за спины у Цзян Тана возник староста. Лицо старика было похоже на смятый свиток пергамента, на котором кто-то вывел иероглиф "беспокойство".

— Доблестные гости, — начал он, кашлянув в кулак. — Слух ваш, как у горного орла, остер. Тропа та и впрямь есть. Но... старые кости мои помнят, что ходили по ней лишь от-

чаянные головы да те, кому терять уже нечего. А Фугуй... — он помотал головой, и его седые бакенбарды затрепетали. — В Фугуйе я не бывал, а вам там бывать не за чем. Сказывают те, кто возвращался, что возвращаются они с пустыми котомками, будто их обобрали духи-скупщики. А иные и вовсе остаются там работать, хотя втихомолку признаются, что дома, на своих террасах, им было спокойнее, да сытнее. Отчего так — не ведаю. Может, банда какая лихая орудует, что людей в долговые ямы загоняет, да отрабатывать заставляет, как волов на мельнице. Место то, Фугуй, с душком. "Богатство и честь" — имя красивое, да не всякая вывеска правду говорит.

Цзян Тан отмахнулся, будто от назойливой мухи.

— Дедушка, ваши страхи почтенны, как седины на висках, но мы не крестьяне с повозкой редьки. Нас не заставит работать даже наш грозный генерал, — он бросил шуточный взгляд на Вэня, — тому удастся, должен признаться, не с первого приказа. Мы пройдем, купим лодку и уплывем, не оставив и следа. Нам не до их местных разборок.

— Хотел только предупредить. Мы чаще Фугуй избегаем.

Я полагала, что староста перестраховывался. Они год жили в ужасе от существа. Теперь ко всем пришлым будут относиться настороженно.

Вэнь Чжэнь молчал, его взгляд скользил между восторженным Цзян Таном и озабоченным старостой.

— Две недели — серьезное преимущество, — произнес

генерал. — Мы отправимся в Фугуй, а что до ваших советов, дедушка, — поклонился он старосте, — мы их не забудем. Поверьте, нас не обобрать, не обмануть. Мы давно живем и промышляем походами.

— Я вас не отговариваю, генерал Вэнь. Раз спешите, значит, ваша задача очень важна. Но я не мог смолчать. Будьте осторожными.

— Мы будем, — кивнул ему мужчина и воззрился на меня.

Не то чтобы я стыдилась, или вчерашний личный разговор поверг меня в смятение. Меня отчасти раздражало, что Вэнь Чжэнь, его Лань Чжэ, Суань Кун и Цзян Тан так удобно сложили на меня обязанности ощущать потустороннее. Но это так не работает.

Пока город Фугуй казался мне богатым, обширным и далеким.

Покидая Байша, нас провожали, как родных. Староста сунул в руки Вэнь Чжэня узелок с лепешками и вяленым мясом — "на дорожку". Другие люди тоже всучали припасы и одежду.

Тропа взяла начало сразу за деревней, взмывая вверх по крутому склону, поросшему низким, колючим кустарником, а потом резко повела вниз. Дорога была очень узкой. Мы шли цепочкой: впереди Цзян Тан, бодро вышагивающий и насвистывающий какую-то плясовую мелодию, за ним — Вэнь Чжэнь, потом я с Мао Сяо в сумке, затем Суань Кун, и

замыкала цепь Лань Чжэ.

Никто не проронил ни слова. Нет, ну я могу понять неловкость между Лань Чжэ и Вэнь Чжэнем, но почему болтливый Цзян Тан молчит?

— Твой воинственный петух нахохлился, — проскрипел у меня за спиной Мао Сяо, высовывая морду из сумки. — А воительница смотрит на него, будто он съел ее последнюю мышь и даже не помурлыкал в благодарность. Скучная у вас стая. Одно сплошное страдание.

— Помолчи, Мао Сяо, — буркнула я, понадеявшись, что его никто не слышал. — Людям свойственно усложнять простое. Вместо того чтобы сказать "мне больно", они строят целые крепости из молчания и обиды.

— Глупые, — заключил кот и уткнулся обратно, явно решив, что наблюдать за скалами интереснее.

Мы опускались все ниже. Скалы сменялись на кустарники и разрастающийся лес.

Я шла и думала о Фугуе. Что же принесет этот город? Учтивая, в какой компании я нахожусь, придется готовиться к худшему. Они и сами не понимают, что прключения с демонами их ждут, даже когда они к ним не стремятся. А если город большой, то один-два демона там точно обнаружатся. И чью сторону я приму?

Фугуй встретил нас запахами.

Я стояла у въездных ворот, втягивая воздух, и мне казалось, что меня окунули головой в купеческий сундук. Мне

все... воняло.

Корица и мускатный орех, перебивающие запах гнилых досок. Ладан, которым кадили в лавках, чтобы отбить дух старого товара. Пот лошадей и людей, замешанных на жадности. Этот аромат я узнала бы из тысячи. Он липкий, чуть сладковатый, оседает на языке медной пылью.

Складывалось впечатление, что жители или стражники Фугуя хотят что-то скрыть.

Байша осталась за хребтами, как сон, который уже начал выцветать по краям. Там раньше пахло страхом, чистым и горьким, как полынь. Здесь же был не страх, а удрученность и потакание своим низменным желанием. Этот запах сладок, похож на любовь и страсть.

Староста был прав, нам не следовало идти в Фугуй.

— Дыши глубже, лисичка, — проскрипел Мао Сяо из сумки. — Глотай бесплатно, пока хозяин не опомнился и не выставил счет.

Я промолчала. Кот был прав. Он тоже ощущал демоническую природу.

Фугуй не походил на горные деревни с их лестницами, вырубленными в скалах, и домами, что жались друг к другу, как ягнята в непогоду. Здесь строили на продажу. Каждый дом кричал: "Я богаче соседа!" — и увешивал себя резными панелями, цветными фонарями и медными скобами, которые должны были отпугивать воров, но на деле лишь указывали им дорогу.

Улицы здесь были широкими, ровными, вымощенными плитами. Иногда по ним текла морская вода. Верхом на монетах восседали купцы в парчовых халатах, с пальцами, унизианными перстнями, и взглядами, которые ощупывали тебя быстрее, чем опытная сваха невесту. Они видели в каждом прохожем либо должника, либо товар.

— Глаза бы мои не глядели, — буркнула Лань Чжэ, поправляя меч так, будто ждала нападения из-за каждого лотка с шелком.

— Глаза закрой, — посоветовал Цзян Тан, и голос его, против обыкновения, звучал напряженно. — Нюхай. Чувствуешь?

— Пахнет-то приятно, — огрызнулась она.

— Вот именно. А где деньги, там и...

Он не договорил, но его взгляд скользнул по мне.

Какой он противный. Сколько раз мне нужно доказывать, что я не планирую убить их предводителя?

Я ничего не ответила. Я чувствовала его неприязнь с черты города. А еще я наверняка знала, что здесь жил демон. Очень могущественный демон. Может, и не чета мне.

Не тот, что приходит с ветром и уходит с кровью. Не тот, что воеет в развалинах и пугает скотину. Здесь поселилась совсем иная тварь — городская, ухоженная, пахнувшая хорошими чернилами и старым пергаментом. Ее сила не была в нос трупным смрадом. Она сочилась, как подгоревшее масло, въедалась в стены, оседала на весах менял, тусклым нале-

том покрывала монеты. Такие обитают веками, учатся, умеют сопротивляться охотникам.

Алчность — самое живучее из всех человеческих зол.

— Мы остановимся в Золотом котле, — объявил Цзян Тан, останавливаясь перед двухэтажным зданием с вывеской, щедро прописанной сусальным золотом. — Говорят, здесь лучшая кухня от Фугуя до самого Шуньтяня. И хозяин сговорчивый.

— Сговорчивый, — повторил Суань Кун таким тоном, будто пробовал слово на вкус и находил в нем прогорклость.

Мы вошли.

Хозяин вынырнул из-за прилавка, как карп из мутной воды: плавно, масляно, с улыбкой, намертво приклеенной к лицу. Лет сорока, гладкий, сытый, в халате из синего шелка, слишком тонкого для простого содержателя постоянного двора. Пальцы унизаны кольцами, но на пальцах чернильные пятна. Не от письма, а от пересчета счетов. Явно не бедствовал, перебирал ими, как бусинами.

— Доблестные гости, — его голос тек, как теплый мед. — С дороги, усталые, проголодавшиеся... "Золотой Котел" — ваш второй дом, ваша мягкая подушка, ваша сытная миска. Сколько комнат прикажете? Лошадей поставят в лучшую конюшню, седла почистят, накормят отборным овсом. А может, господам потребуется...

Он сделал паузу. Совсем крошечную. В ней уместилось все

— ...кредит?

Вэнь Чжэнь качнул головой, даже не взглянув на него.

— Нам хватит своих средств. Две комнаты. Одна для трех мужчин, вторая для двух женщин. Чистое белье. Ужин на пятерых.

— И миску молока, — шепнул мне Мао Сяо, не высывая морды из сумки.

— И миску молока, — добавила за проклятого кота, чтобы хозяин поменьше задавал вопросов. Увы, морду маогуя он разглядел.

— С вами... зверек? Он не будет портить комнаты?

— Это очень послушный, выдрессированный кот, — ответила я ровно. — Очень старый, очень злой и очень голодный. Молоко должно быть жирным, иначе он обидится. А когда он обижается, он громко жалуется. Вы же не хотите, чтобы постояльцы думали, будто в "Золотом Котле" экономят на котах? На постояльцах?

Хозяин моргнул. Улыбка дернулась, но устояла.

— Конечно-конечно, госпожа. Молоко будет, самой большой жирности.

Нас проводили наверх. А судя по ответам, нам за молоко добавят к счету.

Комнаты оказались смежными, с тяжелыми деревянными перегородками, расписанными пионами и фазанами. Я опустилась на край циновки и почувствовала, как Мао Сяо, наконец, высунул голову из сумки, поводя усами.

— Здесь нечисто, — сказал он без обычной своей бравады. — Я чую. Не дух, не мертвец. Что-то другое.

— Сама чую, — ответила я так же тихо. — Это демон-ростовщик. Хозяин заведения точно ему должен.

Кот замер. Его зеленые глаза расширились.

— Откуда знаешь?

— Догадалась же. У входа висит старый талисман, перевернутый вверх ногами. Торговец солью на углу пересчитывает выручку семь раз и все равно не верит своим пальцам. А хозяин... — я помедлила. — Он предложил кредит раньше, чем комнату. Не спрашивая, кто мы, откуда, зачем. Сначала долг, потом гостеприимство. Это не человек, это паук, который плетет сеть из чужих нужд.

Мао Сяо нервно облизал лапу.

— И что ты скажешь Вэнь Чжэню?

— А что я должна им сказать? — я пожала плечами. — Что в богатом городе водится богатая нечисть? Что под каждой монетой, которую здесь чеканят, лежит чья-то заложенная душа? Они и сами это знают. Или скоро узнают. Меня не спрашивали.

— Ты не будешь их предупреждать?

— Буду, — я вздохнула. — Но сначала они должны спросить.

Я осталась в комнате и переоделась в чистое. А когда спустилась на первый этаж и присоединилась к команде, узнала, что Цзян Тан исчез в толпе, едва мы переступили порог.

Это было в его природе, растворяться в людских скоплениях, как капля масла в воде, не смешиваясь, но становясь невидимой. Так он вел свое расследование. Лань Чжэ осталась внизу, караулить лошадей и собственное беспокойное сердце. Она до сих пор страдала от собственного, пьяного безрассудства. Суань Кун же разбирал свитки у окна, отгородившись от мира стеной сосредоточенного молчания.

А Вэнь Чжэнь... Он стоял у окна, спиной ко мне, и смотрел на вечернюю улицу. Мы находились в шумном помещении. Плечи его были напряжены.

Внутри я осознавала, что он в опасности. Демон-ростовщик не прост, а учитывая тьму в мужчине, ему куда легче добраться до души нашего предводителя, но я... почему-то промолчала. Может, потому, что не знала, предупреждаю ли я его как проводница, дорожащая сделкой, или как женщина, которая боится смотреть в его сторону после того разговора на террасе.

— Здесь беспокойно, — произнес Вэнь Чжэнь, не оборачиваясь, ощутив мое присутствие.

— Да, — ответила я. — Здесь торгуют всем, включая то, что не должно иметь цены.

Он помолчал. В вечернем свете его профиль казался вырезанным из слоновой кости.

— Ты чувствуешь что-то?

— А вы?

— Линь Юэ, ответь правдиво.

Я потупилась.

— Да, я ощущаю демона,— я чуть склонила голову. — Господин Вэнь, и он здесь не один. Здесь целое гнездо. Мелкие паразиты, что питаются человеческой слабостью, выются вокруг крупного хищника, как мотыльки вокруг пламени. Хищник умен, стар и терпелив. Он не охотится сам. Он ждет, когда жертва приползет к его порогу и попросит: "Съешь меня".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.